

Татьяна Корсакова

ШЁПОТ ГРЕМУЧЕЙ
ЛОЩИНЫ

Гремучий ручей

Татьяна Корсакова

Шепот Гремучей лощины

«Автор»

2021

Корсакова Т. В.

Шепот Гремучей лощины / Т. В. Корсакова — «Автор»,
2021 — (Гремучий ручей)

Как жить, когда твой мир изменился навсегда? Как жить, когда ты больше не такой, как все? Когда, возможно, ты даже не человек? Где твои границы и твои возможности? И нет никого, кто может ответить на эти вопросы. Есть только дар, который останется с тобой до конца твоих дней. Или не дар, а проклятье?.. И со всем придется разбираться в одиночку. Спасать мир. Бороться со злом, которое лишь затаилось. Выручать из беды тех, кто по-прежнему дорог. Отдавать долги. Заводить новых друзей. Наживать новых врагов и мстить старым. Учиться понимать шепот Гремучей лощины, потому что других советчиков у тебя больше нет. А внутри у тебя – пожар. А вокруг тебя – туман. А в помощниках у тебя – трехглавый монстр. А сам ты – упырь?..

© Корсакова Т. В., 2021

© Автор, 2021

Содержание

1 глава	5
2 глава	13
3 глава	18
4 глава	21
5 глава	32
6 глава	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Татьяна Корсакова

Шепот гремучей лощины

1 глава

Серебро холодило кожу, гасило жар, который с каждым днем становился все сильнее, все невыносимее. Серебряный ошейник темного зверя, потерянного зверя, которого никому не дано найти.

Теперь у Габи было сразу два ошейника. Один сжимал шею обманчиво ласковой бархатной удавкой, а второй вот этот – серебряный. Второй ей нравился больше. Он нравился ей настолько сильно, что она не выпускала его из рук.

– Что мне делать? – спрашивала она, словно четки перебирая холодные звенья. Спрашивала у себя. Спрашивала у нянюшки, которая после возвращения была с ней неотлучно. Спрашивала у темного давно потерянного зверя. Зверя, которого нет. – Что мне делать?!

Иногда ее слабый голос срывался на визг, и тогда нянюшка успокаивающе гладила ее сначала по голове, а потом по огромному животу.

– Все хорошо, Габи. Придет время – вспомнишь.

Как она могла вспомнить то, чего даже не забывала? Наверное, нянюшка сходила с ума вслед за ней.

– Это у тебя в крови, миленькая. В твоих жилах.

В ее жилах плескалось черное голодное зло, истощало, иссушало, заставляло смотреть на мужа и на нянюшку с ненавистью и вождедением. Да, человек в Габи пока побеждал, пока она старалась довольствоваться малым, старалась не причинять боль Дмитрию, вонзая зубы в его сплошь покрытое шрамами запястье. Но она знала, что очень скоро наступит момент, когда зло внутри нее потребует большего, и она не сможет этому противиться. Потому и приняла то нелегкое для себя решение, запретила Дмитрию даже спускаться в подземелье. Он злился, уговаривал, уверял, что ему совсем не больно и крови в нем еще предостаточно. Он говорил, а Габи слушала и примерялась, как бы броситься, как бы впиться уже не в запястье, а в шею...

– Слушай ее, Дмитрий! – Последнее слово всегда было за нянюшкой. Нянюшку слушали они оба. Пока еще слушали.

– Я не могу. – Муж протянул к Габи руки, а она отшатнулась с такой силой, что бархатный ошейник больно впился в кожу. – Как я оставлю ее такую?

– Я останусь с ней. – Нянюшка приближаться не стала, понимала, что чувствует в этот момент Габи, понимала, как та мучается. – Ждать осталось недолго. – Она глянула сначала на лицо Габи, а потом на ее живот. – Неделя. Две, от силы. Скоро все закончится, дети. Верьте мне.

И Дмитрий поверил. Попятился к выходу, не сводя с Габи полного мольбы взгляда.

– Все будет хорошо, любимый. – У нее даже получилось улыбнуться, вот только Дмитрий не улыбнулся в ответ. Разучился? Немудрено при такой-то жене.

Дмитрий ушел и, как и обещал, больше не спускался в ее темницу. А нянюшка, как и обещала, осталась. С нянюшкой было проще, ее не хотелось убить, кровь ее густо пахла полынью и была такой же горькой.

– Терпи, миленькая. Скоро все закончится.

Нянюшка отпаивала ее отварами, такими же горькими, такими же ненавистными. От отваров клонило в сон, и это было хорошо, потому что во снах Габи встречалась со своей маленькой девочкой. Иногда во снах приходил дед, становился напротив, смотрел с укором,

молчал. Габи тоже молчала, боялась заговорить, боялась задать вопрос и услышать ответ на него.

На невысказанный вопрос ответила нянюшка. Она сидела у противоположной стены на неудобном стуле с высокой спинкой и вязала что-то маленькое, то ли носочек, то ли рукавичку. Нянюшка все время была занята делом и, кажется, вообще не спала.

– Его больше нет, Габи. – Тихо щелкали спицы, вилась пряжа, нянюшка говорила, не поднимая головы. – Ты понимаешь?

Она понимала. Может быть потому, что сама уже знала, что деда больше нет. Она даже знала, от чьей руки он принял смерть.

– Я пробовала по-хорошему. – Нянюшка поправила носком туфли клубок. – Я и пришла к нему с миром, пыталась убедить, уговорить. Надеялась.

– Не вышло. – Габи потянулась к клубку, вонзила в него ногти.

– Не вышло. Ему было плевать, кто станет золотым листиком на фамильном древе Бартане. Плевать – ты или твоя дочь. «Приведи ко мне любую из них, моя верная Гарпия, – сказал он мне, а потом добавил: – Или отведи меня к ним, чтобы я сам смог выбрать, и тогда я тебя прощу.» Вот так... Он хотел выбрать сам. Как ягненка для жертвоприношения на деревенской ярмарке.

– Я не больно-то похожа на ягненка. – Габи прислушалась к тому, что творилось в душе. Прислушалась и ничего не почувствовала: ни жалости, ни боли. – Моего дорогого дедушку ждало бы великое разочарование. А дочку я бы ему не отдала никогда! Ногти прошли сквозь клубок и впились в ладонь, вспарывая кожу.

– Я ему так и сказала, миленькая. Я сказала, что ты сделала свой выбор, и его долг – помочь тебе. Не осуждать, а защитить, как и подобает любящему деду.

– А он? – Габи выпустила клубок, и тот, замаранный ее черной кровью, словно живой, покатился обратно к нянюшке.

– А он рассмеялся. – Нянюшка припечатала клубок туфлей с такой силой, что тот превратился в бесформенную нитяную лепешку. – Он сказал, что женщины рода Бартане – это сосуды с силой. И не сосуду решать, как распорядиться этой силой. Для того имеется крепкая мужская рука. Он сказал, что к нему навевался Алекс фон Клейст...

В глазах потемнело, а из горла Габи вырвался яростный крик.

– Сказал, что не одобряет то, что случилось. – Нянюшка говорила тихо, монотонно. Спицы ее замерли. – Не одобряет, но считает союз двух древних родов приемлемым и... любопытным. Он всегда был склонен к экспериментам, мой хозяин. Мой мертвый хозяин.

По каменному полу кралась крыса. Откуда они брались, Габи не знала, но крысы приходили каждую ночь. Сначала она пугалась, а теперь следила за ними с холодным равнодушием. Ночным тварям нечем было поживиться в ее добровольном узилище, а саму Габи крысы обходили стороной.

– Он мучился? – спросила Габи. Нет, ей не хотелось, чтобы дед мучился. Даже после того, как она узнала о его предательстве.

– Нет. – Нянюшка покачала головой. – Я служила ему верой и правдой почти всю свою жизнь, я выбрала для него ласковую смерть.

– Яд?

– Да. Царапина отравленной иглой. Едва ощутимая, едва заметная. Но умирал он долго, Габи. Я хотела, чтобы он понял, за что наказан, чтобы раскаялся.

– Раскаялся?

– Нет. – Стремительным движением нянюшка воткнула спицу в тощий крысиный бок. – Он не раскаялся, Габриэла, и поэтому я снимаю с себя вину за его смерть. Я сделала это ради тебя и твоей дочки, а не ради забавного эксперимента. Я сейчас вернусь! – Вместе с насаженной на спицу крысой она вышла из темницы. Тяжело хлопнула дверь, щелкнул замок. Габриэла

подобрала с пола клубок, но тут же выпустила из рук. Беременным женщинам нельзя брать в руки нитки. Давным-давно подслушанный и забытый разговор нянюшки с женой садовника всплыл в памяти ярким воспоминанием. Ребенок может запутаться в пуповине и умереть.

А она дотронулась, в руку взяла этот треклятый клубок! Что теперь будет?.. Что она натворила?..

– Ничего! Деревенские суеверия, – сказала нянюшка, когда вернулась в подземелье. – Взяла и взяла, миленькая. Выкинь из головы. Вообще все выкинь. Вот отвара тебе сделала, поспи. Сон исцеляет.

Отвар Габи выпила, а вот страшное из головы не выкинула. Даже в сон ее девочка пришла с веревкой, обмотанной вокруг тоненькой шеи, и весь сон Габи пыталась распутать петли, снять с шеи дочери эту страшную удавку. А когда на смену сну пришла явь, стало лишь горше. Явь принесла с собой новый кошмар...

Дмитрий ворвался в подземелье без привычного деликатного стука, распахнул тяжелую дверь с яростной силой, замер перед Габи, посмотрел сверху вниз.

– Что? – спросила его нянюшка. Голос ее был строг и холоден, как стены этой чертовой темницы.

– Дима?.. – Габи попыталась встать, но отяжелевший, словно свинцом налившийся живот не пускал, якорем тянул назад.

– Мужики у ворот. – Дмитрий говорил быстро, задыхаясь, как от быстрого бега. В руке у него Габи увидела охотничье ружье. – Требуют справедливости.

– Какой справедливости? – Все-таки она встала, прислонилась спиной к стене. – Я больше никого...

– Я знаю, любимая. – Дмитрий протянул руку, с щемящей нежностью погладил Габи по щеке. – Я знаю. Но в деревне начали пропадать люди. Пять за неделю.

– Почему ты молчал? – Нянюшка не сводила с него хмурого взгляда. – Почему не сказал мне?

– Потому что вы были заняты с Габи. Потому что Габи не имеет к этим исчезновениям никакого отношения. Потому что обычно те, кто пропадают, очень скоро находятся!

– Эти тоже нашлись? – спросила нянюшка, откладывая спицы и снимая с пояса связку ключей.

– Нашлись. В Гремучей лощине.

– Убитые.

– Да.

– Упырем убитые?

Дмитрий бросил виноватый взгляд на Габи. Все никак не мог смириться с тем, что она тоже упырь. Или скоро им станет.

– Да. Обескровленные. – Он и сам был бледный и изможденный, ни кровинки на тонком аристократическом лице. – Растерзанные, словно зверем. Тихон Яковлевич, староста, пытался народ образумить, говорил, что это все зверь. Может волк, а может медведь. Но в деревне каждый второй – охотник... Не поверили.

– Не поверили и пришли к стенам усадьбы. – Нянюшка нашла нужный ключ, подошла к Габи, сказала ласково: – Все, миленькая, хватит тебе сидеть на цепи, точно бешеной псице. Вот сейчас Дмитрий уйдет, и снимем мы с тебя этот ошейник.

– Это вам нужно уходить! – Дмитрий говорил спокойно, но в голосе его уже слышались первые, едва различимые нотки отчаяния. – Выберетесь подземным ходом, потом через калитку, ту, которую я вам показывал, выйдете из усадьбы. Там уже ждет экипаж. Езжайте в город, вот на этот адрес. – Он сунул в руку нянюшки клочок бумаги.

– Димочка, а ты как же? – На мгновение, но короткое сладостное мгновение Габи снова почувствовала себя женщиной. Обычной испуганной женщиной, мужниной женой.

– А я разберусь тут и приеду за вами. Да ты не бойся, любимая, они не решатся. Пошумят и уйдут восвояси. Деятнадцатый век на дворе. Не средневековые же, чтобы верить во всякую чушь... Я выйду, поговорю с ними.

– Не надо! – Габи вцепилась в его руку мертвой хваткой, ногтями по-звериному острыми и крепкими вспорола и толстую шерсть сюртука, и шелк сорочки, и горячую плоть. Запахло кровью, и она снова перестала быть человеком – отшатнулась, сунув окровавленные пальцы в рот, как ребенок ярморочный леденец.

– Плохо. – Нянюшка покачала головой. – Плохо, что молчал, что мне не сказал.

Дмитрий ничего не ответил, он завороченно смотрел, как пропитывается кровью рукав его сюртука.

– Габи здесь на цепи, а мужиков все равно кто-то убивает. Кто?

Ответ был очевидным. Очевидным и страшным.

– Он нашел меня, нянюшка, – прошептала Габи, слизывая кровь с пальцев. – Он меня нашел.

– Не об этом сейчас нужно думать! – Дмитрий пришел в себя, яростно мотнул головой. – План прежний, дамы: я разбираюсь с мужиками, вы уезжаете в город. И не спорьте! – Крик его взлетел к каменным сводам темницы и с гулким уханьем упал к ногам Габи. – Я люблю тебя, – сказал он уже спокойно и решительно. – Люблю тебя и нашего ребенка. И я никому не позволю вас обидеть. Езжайте!

Дождаться слез, уговоров и прощаний Дмитрий не стал, решительным шагом вышел из подземелья. Несколько мгновений Габи слышала гулкое эхо его шагов, а потом все стихло.

– Он прав, миленькая. – Нянюшка набросила на плечи Габи шаль, сняла с ее шеи ошейник. – Мужчины должны заниматься своей работой, а женщины своей. Пойдем! – Она крепко сжала запястье Габи, потянула. – Пойдем, нам нужно спешить!

На земляном полу перед дверью темницы стояла керосиновая лампа, нянюшка зажгла ее, взяла в левую руку. Правой она продолжала цепко держать Габи, тянуть за собой. Подземный ход был узким, но достаточным, чтобы пройти по нему, лишь слегка склонив голову. Габи шла, не видя ничего перед собой. Прислушиваясь к звукам, доносящимся снаружи, прислушиваясь к себе. Боль еще не была сильной. Ныла поясница, немели ноги, и малышка в животе вертелась юлой.

– Не надо так, маленькая, – сказала Габи шепотом и погладила живот. – Не крутись, а то запутаешься.

– Тихо. – Идущая впереди нянюшка замерла, подняла фонарь, разглядывая что-то над головой. – Пришли. – Она погасила лампу.

Все остальное происходило в полной тишине и темноте. Габи слушала только свою беспокойную девочку.

Снаружи наступили сумерки. Она уже и не помнила, как выглядит мир снаружи, как звучит и как пахнет. Да она и не слышала раньше этот тихий успокаивающий шепот. Что изменилось сильнее? Мир вокруг, или она сама? Думать об этом было некогда, нянюшка снова схватила ее за руку, потянула за собой по каменной дорожке, петляющей между экзотическими растениями, к выходу из оранжереи.

Здесь, за границами белокаменных стен оранжереи, мир сделался чуть ярче и чуть громче. Габи слышала злые мужские голоса, чуяла острый запах дыма. Гроыхнул выстрел, и она замерла, как вкопанная.

– Пойдем! – Велела нянюшка и потащила ее за собой в сизо-малиновую, клубящуюся туманом утробу парка. – Он справится, пойдем!

И они не пошли, а побежали. Нянюшка с невиданной, почти девичьей резвостью, а Габи тяжело, как дряхлая старуха. Туман обступил их со всех сторон, укутал и спрятал от посторонних глаз. Габи хотелось думать, что спрятал, что тот, кто пришел по ее следу, не сможет

найти их с нянюшкой в этом тумане. А еще ей хотелось назад к мужу. Хотелось стать с ним плечом к плечу, защищать, нападать и ранить его врагов. Может ранить, а может и убивать. Зубами рвать...

Из пересохшего горла вырвался тихий рык, нянюшка обернулась, глянула внимательно, сказала строго:

– Терпи, Габриэла. Не время для слабости.

Нет, это не слабость! Это сила пополам с яростью! Нянюшка не понимает, не чувствует, как мелко подрагивает под ногами земля, а шепот лощины становится все громче. Нянюшка сильная, но она сильнее.

– Бежим, Габи!

Бежали недолго, темный прямоугольник потайной калитки появился в стене внезапно, словно невидимый художник нарисовал его вот только что специально для Габи. Нянюшка сняла с пояса связку ключей, безошибочно нашла нужный. Калитка открылась беззвучно, Дмитрий позаботился обо всем.

Дальше уже не бежали, а осторожно двигались по узкой, едва различимой в тумане тропе. Тропа змеилась вдоль глубокого оврага, и один неверный шаг мог стоить им жизни. Но обошлось, впереди, в прорехах между дикими зарослями забрезжил рыжий свет фонаря. Их ждали.

Габи дернулась было вперед, к темной громаде экипажа, но нянюшка снова крепко сжала ее руку, сказала шепотом:

– Не спеши. Сначала я.

Она умела двигаться с кошачьей грацией и кошачьей же бесшумностью. Она умела сливаться с тенями и кутаться в обрывки тумана, делаясь практически незаметной. Габи лишь предстояло этому научиться.

Возница сидел на козлах, фонарь стоял на земле возле переднего колеса. Казалось, возница придремал в ожидании. И вороной жеребец, лежащий на боку, тоже придремал. Но Габи знала правду. Правда пропитала влажный воздух лощины сладким запахом свежей крови, и Габи снова зарычала. На сей раз от голода.

А нянюшка бесстрашно шагнула к мертвецу, стряхивая с плеч остатки тумана, вгляделась, принялась, а потом с невероятной стремительностью спрыгнула с козел обратно на землю, выхватила из складок юбки нож. Зачем ей нож, когда Габи может убить любого голыми руками? Или не руками, но убить сможет с легкостью. Так зачем нож старой нянюшке? Зачем ей это хлипкое, дрожащее на ветру деревце?

Деревце нянюшка срубила одним махом, срезала ветки, заострила, посмотрела на Габи черными-черными глазами. Острая палка в ее руке пахла горько и опасно, палку хотелось отнять и переломить через колено.

– Борись, Габриэла! – велела нянюшка. – Борись и готовься сражаться!

Она хотела спросить, с кем собирается сражаться нянюшка, но в этот самый момент живот вспорола невыносимая боль. Габи закричала и упала на колени. Ее маленькая девочка устала вертеться, ее маленькая девочка решила явить себя этому жестокому миру.

Нянюшка бросила на нее быстрый взгляд, сказала с отчаянной какой-то злостью:

– Час от часу не легче... – И шагнула не к Габи, а к краю очерченного светом фонаря круга и уже оттуда, из темноты, послышался ее голос: – Тебе придется самой, Габриэла. Вам обоим придется.

– Мне нужна твоя помощь, нянюшка! – Боль терзала и терзала, а подол платья окрасился красным.

– Борись! Думай о своем ребенке. – Голос нянюшки становился все глуше, отдалялся. – Я скоро вернусь...

Голос затих, а граница света вдруг сузилась до маленького пятачка сырой земли. Габи корчилась на этом пятачке рыжего света и не знала, как бороться с неизбежным. Хотелось умереть. И жажда сделалась невыносимой. Сильнее боли. В ней, в ее утробе, билось маленькое сердце, пульсировало, гнало по тонким сосудам сладкую кровь.

– Борись! Думай о своем ребенке... – голос уже не со стороны, а у нее в голове.

Вот о чем говорила нянюшка, вот от чего пыталась уберечь, но так и не уберегла. Для той твари, в которую превратилась Габи, не осталось ничего святого. Ребенок, ее маленькая девочка – это всего лишь сердце, сосуды и сладкая-сладкая кровь.

Габи запрокинула лицо к небу и завывала, призывая на помощь ту неведомую силу, присутствие которой чувствовала кожей.

– Помоги мне! – Крик срывался с губ лиловыми облачками тумана и этим же туманом пожирался.

– Помоги мне... – Больше не крик, а тихий шепот. И боль такая сильная, что уже вездесущая. Она сама и есть боль. Боль и сила, грозящая уничтожить все вокруг.

Вслед за криком рванули в стремительно чернеющее небо прелые листья, к их безумному хороводу присоединились листья зеленые, сорванные со старых вязов и осин. Деревья тоже закружились, сплетаясь ветвями в гигантский венок. И первые робкие звезды тут же бросились в пляс вокруг довольно ухмыляющейся луны. В этом хороводе Габи окончательно перестала быть собой, перестала быть человеком. Тьму, упавшую с неба хищной птицей, она приняла с благодарностью. Тьма принесла ей долгожданный покой...

...Тишина была громкой. Тишина была оглушительной. Раньше Габи думала, что это такая фигура речи, но теперь, барахтаясь в темноте и безвременье, она слышала раскаты тишины. Кожей чувствовала, кончиками волос.

Боли не было. И темнота рассеивалась, прорастала рыжими побегими света. Но тишина была неправильной. Тишины вообще не должно было быть! Когда ребенок приходит в этот мир, он заявляет о себе громко и требовательно, а ее девочка молчит! Не маленькое сердце, сосуды и сладкая-сладкая кровь, а ее дочь! Ее плоть и кровь, которая пришла на зов, а сейчас молчит!

Габи вырвалась из хоровода листьев, ветвей и звезд, села, уперлась ладонями в землю, открыла глаза.

Темнота. Но не кромешная, а подсвеченная тусклым светом фонаря. И на границе темноты и света черная согбенная фигура раскачивается из стороны в сторону, напевает колыбельную. Раньше нянюшка пела эту колыбельную Габи, а кому поет сейчас?..

– Покажи мне ее! – Собственный голос слаб и беспомощен, но решимость растет с каждым мгновением. Решимость и тревога. Ее девочка молчит. Как долго она молчит?

– Как долго, нянюшка? – Силы возвращаются быстро. Страх – хороший погонщик, страх знает, как заставить непослушное тело двигаться. – Как долго?!

Вот она уже на коленях, вот ползет к темной фигуре на границе света, ползет, тянет руки, молит показать ей ее девочку.

– Давно, Габриэла. – Нянюшка баюкает завернутое в черный вдовый платок неподвижное тельце, и Габи не слышит биения маленького сердца. Ничего, кроме собственного отчаянного крика...

– Пуговина оказалась слишком короткой. – В ее крик врывается крик нянюшки, и старые вязы стонут, словно былинки, склоняясь к земле, скребя ветками землю. – Я опоздала, Габриэла.

– Где ты была?! Почему ты опоздала?! – Скрежещут корни, рвутся под землей как струны, и воздух пахнет горькой кровью старых вязов. – Почему ты бросила нас одних, нянюшка?!

Она знает почему. Видит осиновый кол, измаранный черной не-человеческой кровью. Наверное, у нее теперь тоже такая кровь. Или скоро станет такой же, когда она окончательно перестанет быть человеком.

– Я пыталась вас защитить, мои миленькие. – По щекам нянюшки катятся слезы. – Их было много... Пятеро тех, что нашли мертвыми и похоронили. Их похоронили, а они пришли на его зов. Это место... Оно дает силы. И таким, как мы, и таким, как они...

– Покажи! Дай мне на нее посмотреть!

Только посмотреть. Погладить по серому пушку на макушке, прикоснуться губами к холодному лбу. Попрощаться...

В ней больше нет жажды и нет боли. В ней теперь больше человеческого, чем было когда-либо. Ее маленькая девочка заплатила своей жизнью за ее спасение.

– Дай ее мне!!!

Тельце маленькое, еще теплое, но уже неживое. А личико красивое, не такое, как у других новорожденных. Ее девочка особенная. Ее девочка могла бы стать очень особенной, если бы не умерла!

Крик вырывается из горла с ошметками тумана, рубиновыми каплями крови оседает на маленьком мертвом лице. Стонет вяз, вырывая из земли один корень за другим, словно хочет убежать прочь от Габи и ее нечеловеческого горя. Пусть бежит! Пусть все они уходят, убегают! Пусть оставят их с дочерью в покое!

– Габи... – На плечо ложится рука. Габи снова кричит, и нянюшка падает на колени, зажимает ладонями уши.

– Не мешай мне! Убирайся!!!

А маленькое личико капризно морщится. Наверное, от ее крика. С малышами нужно разговаривать тихо и ласково. Какая же она мать, если не понимает таких очевидных вещей?!

– Все хорошо, моя маленькая. Мама больше не будет кричать. – Мама не будет кричать и сотрет рубиновые капли с розовых щечек.

Детский крик слабый, слабее комариного писка, но все равно сильный, сильнее завывания ветра в ветвях. Как такое может быть, Габи не знает, она смотрит на свою девочку, а девочка смотрит на нее синими-синими глазами.

– Чудо... – шепчет за спиной нянюшка. – Это чудо, миленькая. Покажи! Дай посмотреть на нашу девочку!

Но Габи не хочет, не находит в себе сил расстаться с потерянной и вновь обретенной дочкой, синеглазой девочкой из воздушного замка. Габи прижимает к груди хнычущий сверток, ревниво поворачивается к нянюшке спиной.

– Хорошо. – Нянюшка не злится, нянюшка понимает и ее радость, и ее страх. – А теперь нам нужно уезжать, Габриэла. Нам нужно увезти отсюда твою дочку.

– Нет.

Решение твердое и непоколебимое. Оно родилось одновременно с ее девочкой, в тех же муках родилось. Она не бросит Дмитрия, не отдаст его на растерзание толпы. В ней есть сила. Та сила, что гнула, вырывала с корнем вязы. Та сила, что вернула в этот мир ее ребенка. Сейчас она способна на многое.

– Нет... – Иногда нянюшка может читать мысли. Или она просто очень старая и очень мудрая. – Нет в тебе больше сил, миленькая. Не чую. Отдала все. Вот ее спасая, отдала. Обменяла на ее жизнь. Нам нужно уходить.

– Мне нужно к мужу!

– Он справится, Габриэла! Он мужчина!

Да, он мужчина. Но в его мире нет места упырям и ведьмам. Он верит и одновременно не верит. С неправильностью и нелогичностью творящегося вокруг его смиряет лишь любовь к ней, Габи. Пришла ее очередь отдавать долги.

– Сделай мне такой же. – Она смотрит на осиновый кол в нянюшкиной руке. Уже без страха и отвращения – лишь с нетерпением.

– Не нужно. – Нянюшка качает головой. – Если кто-то еще остался, я справлюсь сама. А тебя и твоего ребенка они не тронут. Не посмеют.

Спросить бы, почему не посмеют. Уж не потому ли, что в ее жилах и жилах ее девочки течет черная кровь фон Клейстов? Голос ее теперь едва различим из-за ласкового шепота лощины, и нечеловеческого голода больше нет, но все же, но все же... Алекс фон Клейст отравил и ее кровь, и ее жизнь. А теперь пришел за ее дочкой.

– Мы должны убить его, нянюшка. – Собственный голос звучит с пугающей решительностью. – Он ведь не остановится. Он не откажется от нее. – Холодные губы ласково касаются теплого лба дочки. – Скажи! Скажи мне правду!

– Не откажется. – Нянюшка качает головой. По глазам видно, как сильно ей не нравится сказанное, но врать Габи бессмысленно. Может быть, она и лишилась сил, но разума она пока не лишилась. – Рано или поздно он придет за одной из вас. Или за обеими...

– Его можно убить? – Кол в руке нянюшки манит, дарит надежду.

– Я не знаю, Габриэла. Он не такой, как те... упыри. Он тот, кто их породил.

– Но он смертен?

– Наверное.

Этого достаточно. Утешение можно найти даже в надежде.

– Но убить его будет непросто. Тем более сейчас, когда ты обессилена, Габриэла. Одумайся, миленькая! Тебе нужно набраться сил!

Наверное, она бы одумалась, послушалась нянюшкиного совета. Не ради себя, а ради дочки. Вот только ей не пришлось выбирать...

2 глава

– Нам нужно вернуться в Гремучий ручей. – Габи шла быстро и уверенно, несмотря на окружившую их тьму. – Пешком до города нам не добраться. В деревне я никого не знаю, а в усадьбе есть лошади. Ты ведь умеешь ездить верхом, нянюшка?

Это был хороший план. Приемлемый. Конюшня располагалась у внешней границы поместья, они могут добраться до лошадей незамеченными. Где-то в глубине души теплилась надежда, что по пути к конюшне они встретят Дмитрия и ей не придется делать этот страшный выбор между безопасностью дочери и любовью к мужу. Наверное, нянюшка это чувствовала, потому что ничего не ответила, лишь проворчала что-то себе под нос.

Возражала дочка. Как только они пересекли границу усадьбы, ее маленькая девочка снова заплакала. Пока еще тихо, но в лощине каждый звук сейчас, казалось, усиливался многократно.

– Голодная она, – сказала нянюшка. – Покорми, пока она тут всех не перебудила.

Голодная... А Габи и не подумала, не догадалась. Вот такая она непутевая мать.

Они остановились у водонапорной башни, которую по заказу Дмитрия спроектировал инженер из Москвы, Габи села на землю, прислонилась спиной к еще не отдавшей дневное тепло стене. Нянюшка осталась стоять. Пока Габи кормила дочь, она сторожко оглядывалась по сторонам. Со стороны дома доносились крики и выстрелы. От каждого звука Габи вздрагивала, испуганно поглядывала на дочку. Саму ее бил озноб. Казалось, из нее ушли не только силы, но и те крохи тепла, что еще оставались. И лишь решимость спасти свое дитя любой ценой была в ней нерушима и незыблема.

Первой это услышала нянюшка. Вскинувшись, половчее перехватила осиновый кол, встала перед Габи и девочкой, закрывая их своим телом.

От кого закрывая?..

Шаги были едва различимы. Тихие, по-стариковски шаркающие шаги. Может быть, кто-то из слуг решил сбежать из усадьбы через тайную калитку? Сколько их было – этих слуг? Габи не знала. Никогда не задавалась таким вопросом.

Наверное, им удалось бы остаться незамеченными, спрятаться в густой тени водонапорной башни, если бы не луна. Луна растолкала тучи и выкатилась на ночное небо во всей своей предательской яркости. В ее жемчужном свете мир вокруг сделался вдруг резким и отчетливым, как рисунок углем. Черная громада башни. Черная фигура нянюшки. Черная тень на парковой дорожке. Высокая, из стороны в сторону раскачивающаяся тень.

Запахло кровью. Остро, горько, невыносимо. Габи замутило от отвращения. Не верилось, что совсем недавно запах этот сводил ее с ума, превращал в животное. Очевидным было лишь одно: тот, кто стоял на дорожке, истекал кровью. Или искупался в крови...

К горлу подкатил колючий ком, и Габи крепче прижала к себе дочку.

– Кто здесь?.. – спросил человек сиплым, но все равно узнаваемым голосом. – Нянюшка?..

– Дима?.. – Габи вскочила на ноги, позабыв и про холод, и про слабость. Потревоженная дочка протестующе захныкала. – Димочка...

Она уже бросилась было к мужу, но нянюшка с неожиданной ловкостью и силой схватила ее за руку, толкнула обратно в тень башни.

– погоди, Габи, – велела свистящим шепотом, а потом спросила уже в полный голос:

– Хозяин?

Тот, к кому она обращалась и к кому не пускала Габи, сделал шаг им навстречу, покачнулся и остановился, ухватившись рукой за дерево.

– Нянюшка, где моя жена? Она в безопасности?

– Все хорошо, миленький. – В голосе нянюшки послышались странные, пугающие нотки. – Она сделала, как ты велел, она ушла.

– Хорошо. – Он говорил, а слова клокотали в его горле. – Хорошо, что она в безопасности. А ты чего же?..

Он не договорил, рухнул на колени, и Габи с криком бросилась к нему. Нянюшка не смогла ее удержать, но смогла опередить. В мгновение ока она оказалась между Габи и Дмитрием. Высокая и тощая, она вдруг сделалась широкой, почти огромной. Это происки тумана? Или морок, который нянюшка умеет наводить?

– Пусти! – Габи рвалась вперед, сиюсья обойти эту необъятную темную тень. – Пусти меня к моему мужу!

– Не пускай... – Голос Дмитрия уже не клокотал, в нем, едва различимом, слышался свист. Словно бы воздух с силой выходил сквозь узкую прореху. – Габи, любимая... не подходи, не приближайся ко мне.

И тут же уже не ей, а нянюшке:

– Ты видишь это?

– Вижу, миленький.

– Ты понимаешь?

– Понимаю.

– Хорошо... – Дмитрий замолчал, и в эти долгие секунды тишины Габи попыталась обойти нянюшку. Не вышло. Раньше она бы легко справилась с мороком. Раньше, но не сейчас. – Тогда ты знаешь, что нужно сделать.

– Знаю, миленький.

Никогда! Никогда раньше нянюшка не называла Дмитрия так ласково, словно маленького. А сейчас почему же? Отчего так сильно пахнет кровью?! Чья это кровь?!

– Только ее уведи. Не хочу, чтобы видела, чтобы знала... – Уже и не свист, а едва различимый шепот. – Я их видел, нянюшка... Тех, кто вернулся...

– Димочка! – Она кружила и кружила вокруг этой черной необъятной тени, но никак не могла прорваться к мужу. – Пусти меня к нему!!! – Закричала что есть мочи. Дочка сначала захныкала, а потом громко расплакалась.

– Что это? – На мгновение его голос окреп, стал почти нормальным, почти человеческим. – Это ребенок?

– Девочка, – ответила нянюшка ласково. – Доченька у вас. Крепенькая, горластенная. Вся в мать. С ней все будет хорошо, миленький. Я позабочусь, костями лягу, но спасу.

– Спаси. Спаси, нянюшка. Сначала меня, а потом их. Не хочу я так, как те... не хочу вернуться за Габи и малышкой...

– Димочка... – Она уже знала правду. Еще отказывалась верить, но уже знала. – Димочка, родненький, не надо! Мы справимся! Нянюшка тебя вылечит! У нянюшки травы... все будет хорошо.

– Все будет хорошо. – Голос нянюшки полон спокойствия и решимости. – Тебе не будет больно, миленький. Обещаю...

Нянюшка обманула! Было больно! Им всем было больно! Это не в сердце ее мужа, это в ее собственное сердце вошел осиновый кол! Это ее сердце перестало биться! Это ее жизнь оборвалась в одночасье! Это не из его горла вырвался тихий вздох, это она завывала диким, нечеловеческим голосом.

Перед этим напором, перед яростью и отчаянием морок отступил. Габи упала на колени перед мужем.

– Дай ее мне, миленькая. Дай ее мне и попросайся.

Нянюшка ласково, но решительно разжала ее окаменевшие пальцы, забрала плачущую девочку. Наверное, ее доченьке в этот момент тоже было больно. Наверное, ей лучше быть как можно дальше от такой матери.

Дмитрий лежал на спине, запрокинув к ночному небу бледное лицо. В его широко раскрытых глазах отражалась луна, а на шее зияла рана. Черные края, обуглившаяся плоть.

Не взбунтовавшиеся, напуганные мужики убили ее мужа. Не нянюшка, одной рукой прижимающая к груди младенца, а второй сжимающая осиновый кол. Ее мужа убил монстр. Алекс фон Клейст наказывал Габи за неповиновение, резал по живому, забирал самое дорогое. Ее дочку, ее маленькую синеглазую девочку он тоже заберет. И нянюшка не сумеет его остановить. Не хватит на то ее сил.

– ...Габриэла... – шепот со змеиной вкрадчивостью вполз в уши, и Габи зажала их перепачканными в мужниной крови ладонями. – Вот я и нашел тебя, моя прекрасная Габриэла...

Не шепот, а голос в ее голове. От голоса этого вибрируют кости черепа, а зубы хочется сцепить до хруста, до скрежета.

– Я долго тебя искал...

– Убирайся! – Она замотала головой в отчаянной попытке вышибить из нее этот ненавистный голос. Ничего не вышло...

– Я искал тебя, а нашел это удивительное место. Ты ведь чувствуешь его силу, моя прекрасная Габриэла? Если ты до сих пор жива, если разум тебя не покинул, значит я не ошибся.

– Пошел вон!!!

– Ты вела себя плохо, моя неукротимая Габриэла. Ты предала меня. А знаешь, что бывает за предательство? – Голос ворочался в ее голове, рвал на клочки, расшвыривал в стороны остатки разума. – Я не хотел его убивать. Твоего мужчину. Это слишком легкое наказание за то, что он посмел перейти мне дорогу. Он сопротивлялся, он даже ранил меня, моя коварная Габриэла, но это особенное место... оно дарит невероятную силу. Он бы стал хорошим рабом – сильным, послушным, голодным. Я бы посадил его на цепь у входа в твои покои, чтобы он охранял тебя, чтобы служил вечным укором...

– Ненавижу... – Она больше не кричала, она рвала на себе волосы. Прядь за прядью. Боль физическая заглушала боль душевную. Хоть на время...

– Миленькая... – Голос нянюшки снаружи – не у нее в голове. В голосе этом отчаяние и беспомощность.

– Ненавижу!

– Я больше не чувствую нашей с ним связи. Что ты сделала, Габриэла? Ты убила своего мужчину?

– Это ты его убил! – Если прочертить ногтем кровавую борозду на щеке, боль становится сильнее, а мысли перестают биться о кости черепа.

– А ты сходишь с ума, моя прекрасная Габриэла. Моя безумная Габриэла. Я чувствую это.

Да, она тоже чувствует. Слишком долго ее разум сидел на цепи, слишком долго не видел света. И сейчас, когда невидимые ледяные пальцы перелистывают ее воспоминания, словно стопку старых журналов, собственное грядущее безумие кажется ей неотвратимым. Ее доченька, синеглазая девочка из воздушного замка, дала ей отсрочку, позволила продержаться, дожидаться их встречи. Но фон Клейст прав, она больше не прекрасная Габриэла, она безумная Габриэла, место которой в высокой белокаменной башне, которую он для нее построит.

– Обойдемся без сантиментов! – Голос больше не в ее голове, а за ее спиной. И фон Клейст за ее спиной. Насмешливый, надменный, с головы до ног залитый кровью. – Без сантиментов и белокаменной башни. Отдай мне ребенка, старуха!

– Не приближайся! – Голос нянюшки загремел, и сама она сделалась вдруг высокой, высокой и грозной.

– Ловко. – Фон Клейст хохотнул, вытер лицо тылом руки. – Я слышал про колдунов, но никогда не встречался лично. Что это? Гипноз? Какие еще ярморочные трюки ты мне покажешь, старуха?

Высокая фигура, в которой уже не узнать человека, замахнулась, осиновый кол со свистом пролетел мимо фон Клейста. Тот снова хохотнул.

– И где твои силы, ведьма? На что еще ты способна? Ради чего? Скажи мне, старая, зачем рисковать своей жизнью ради жизни той, которая уже и так на краю пропасти? Отдай мне ребенка!

Он говорил и медленно приближался. Движения его были по-змеиному плавные. Все кроме одного, самого последнего. Быстрый выпад, яркий всполох лунного света на клинке – и та, что всего мгновение назад была огромной и грозной, с тихим стоном упала на колени, превращаясь в смертельно уставшую и, кажется, смертельно раненную старуху.

Нянюшка до последнего цеплялась за сверток с ребенком, но пинок сапога отшвырнул ее к Габи, обеих повалил на землю, как фигурки на шахматной доске. И обе они зарычали. Ничего человеческого больше не осталось ни в одной из них. Их человечность, закутанную в черный вдовый платок, уносили прочь.

Габи бросилась следом, ослепленная яростью и страхом. Бросилась и напоролась на стальное жало. Теперь только это жало, острое и беспощадное, удерживало ее на ногах. Оно и холодный взгляд фон Клейста.

– Очень жаль, – сказал он, слизывая кровь с уголка ее губ. – Очень жаль, что ты не справилась, моя прекрасная Габриэла. Черная книга не врала, ни одна смертная не сможет сохранить разум, родив удивительное дитя. Но я надеюсь, что моя дочь будет такой же красавицей, как и ты. Может быть, я даже когда-нибудь расскажу ей, как убил ее мать. Не волнуйся, она не станет переживать из-за такого пустяка, я об этом позабочусь.

– Не смей... – Теперь уже ее слова клокотали и пузырились на губах горькой пеной. – Не трогай...

– Прощай, моя глупая Габриэла! – Пинок сапогом отшвырнул ее назад, на нянюшку. – А ты, моя прекрасная малышка, здравствуй! – Фон Клейст положил свою ношу на землю, принялся разворачивать платок.

Было больно... В голове вспыхивали молнии. В груди разгоралось невыносимо яркое солнце, а в запястьях впивались чьи-то острые зубы.

Нет, не зубы – зубья! Серебряный ошейник, позабытый и потерянный в этой неравной битве, напомнил о себе.

– ...Темный зверь. Только женщин он чувствует, Габриэла. Только женскую руку слушается. Триста лет он спал. Может, от тебя зависит, когда он проснется...

Темный зверь, защитник рода Бартане, защитник женщин рода Бартане. Зверь, который умер, но может вернуться, если его позвать, если напоить своей кровью...

Откуда она знает? Знает и все! Голос рода. Голос крови криком кричит, выплескивается горячим на сырую землю, прорастает. И земля отзывается пока еще тихим не то стоном, не то рыком. Или не земля, а тот, кто рвется в этот мир из мира иного. Темный зверь слышал голос крови, слышал ее безмолвный крик.

Крик... Кто-то кричит с отчаянной яростью. Кто-то опасный и ненавистный. Кто-то, кто должен заплатить за все!

– Воровка! Мерзкая обманщица! – Фон Клейст смотрит на сверток у своих ног, но обращается к ней, к Габи. – Кого ты родила, презренная? Что это за тварь?!

«Тварь» – это ее дочка, ее маленькая синеглазая девочка. В ней есть черная кровь рода фон Клейстов, но серебряной крови Бартане в ней больше. Ее тоже чувствует темный пес, чувствует и уже признает своей хозяйкой. Земля под Габи вздыбливается, выдавливая из себя кости, одну за другой. Черные кости Темного зверя, текущие, как ртуть, собирающиеся воедино, как

огромный конструктор. Когда-то у маленькой Габи был деревянный конструктор. А теперь вот у нее есть костяной...

– Мертворожденная! – Голос фон Клейста срывается на истеричный визг. – Мертворожденное дитя в нашем роду! В моем роду, проклятая Габриэла!

Кости обрастают горячей плотью, плоть – колючей шерстью. Одна собачья голова упирается лбом в плечо Габи, вторая преданно заглядывает в лицо красными, огнем полыхающими глазами, а третья зорко следит за фон Клейстом.

– Надень ошейник... – шепчет нянюшка едва различимо. – Надень ошейник. Утверди свою власть. Спаси нашу девочку.

Ошейник тяжелый. Или это сил не осталось? Все ее силы ушли вместе с кровью в сырую землю, чтобы разбудить Темного пса. Силы ушли, осталась только надежда.

– Я умираю, нянюшка.

– Умираешь, миленькая. Так пусть смерть твоя будет ненасправной, надень ошейник...

Шея мощная, словно лошадиная. Габи обхватывает ее обеими руками, и три черных языка ласково слизывают слезы и кровь с ее щек, приветствуют и прощаются.

– Это ты виновата! – Фон Клейст уже не визжит, а сипит. Его лицо искажено ненавистью, а в руке он сжимает саблю. Пока только сжимает, но очень скоро занесет над ее маленькой девочкой. Потому что ее дочь никогда не будет и его дочерью тоже, потому что она особенная. И кровь ее особенная. Габи она излечила, а упыря? Что сделает с упырем кровь ее маленькой девочки?

– Спаси ее, миленькая, – шепчет нянюшка. – Ты спаси, а я дальше... уберегу.

И три пары красных глаз смотрят преданно, ждут приказа. Нужно торопиться, нужно все рассказать. Кто враг, а кто друг. За кого жизнь отдать, а кого стереть с лица земли.

– Слушай меня... – Голос едва различим, но Темный зверь уже наострил уши, и Габи спешит, тратит остатки сил на слова. Попрощаться она уже не успеет. Ни с дочкой, ни с нянюшкой. Попрощаться не успеет, а спасти сможет. Прав был дед: Темный зверь – это оберег женщин рода Бартане. Так уж вышло, что в роду снова остается только одна женщина.

– Давай! – Остатки сил уходят на требовательный крик, и Темный пес с яростным рычанием бросается вперед. Рука с саблей взлетает вверх, чтобы обрушиться на одну из голов, но челюсти второй уже сжимают запястье фон Клейста, крошат в труху кости, вырывают из глотки крик отчаяния. Уже стоя на границе между мирами, Габи видит, как длинный и гибкий, точно кнут, хвост бережно обвивает ее маленькую девочку, обвивает, передает в раскрытые ладони нянюшки.

3 глава

Младенец больше не кричал. Младенец – удивительное, мертворожденное, но восставшее из мертвых дитя – смотрел на Гарпину синими-синими глазами.

– Все хорошо, миленькая, – сказала она, укутывая девочку в платок. – Все будет хорошо.

Хорошо уже не будет. Обмануть можно вот это маленькое и неразумное дитя, но себя не обманешь. Габи больше нет. У ее любимой девочки хватило сил, чтобы спасти их с ребенком, но не хватило, чтобы удержаться в этой жизни. Не хватило сил? Или Габи просто не захотела?

У упырей не бывает жен. И упырицы не рожают детей. Мертвое душой, не может породить живое. Детей рожают обычные женщины. Рожают, чтобы сойти с ума или умереть в муках во время родов. Таков закон. Ей ли, старой Гарпии, столько всего повидавшей на своем веку, этого не знать! Но надежда, глупая человеческая надежда все эти дни заставляла ее верить, что они могут все исправить, что любовь, обычная земная любовь, сметет все преграды, спасет от неизбежного.

Не спасла... Ни Габи, ни Дмитрия... В живых осталась лишь вот эта маленькая синеглазая девочка – надежда рода Бартане, проклятье рода фон Клейстов. Мертворожденное дитя... Ей ли, старой Гарпии, не знать, что такое мертворожденное дитя! Слышала от бабки, видела в темных книгах Стефана Бартане. Да, он и не знал, что верная Гарпия может что-то уразуметь в древних манускриптах. Нет, она не умела читать, но она умела видеть. Из завитков и закорючек мертвых языков для нее складывались удивительные картинки. Стефан многого о ней не знал. Ему было достаточно ее собачьей преданности, ее любви. Да, когда-то очень давно молодая и красивая, она любила его беззаветно. Она любила его так сильно, что впустила в свою жизнь сначала его жену, потом дочь, а потом и внуку.

Была ли в смерти двух первых ее вина? Отчасти была! Что ж врать-то самой себе?! Вина, замешанная на ненависти и ревности, горькая, как осиноый сок, как яд, который Гарпина подливала жене Стефана. Вот ее вина, вот ее грех. А дальше... дальше она остановилась, не переступила черту, окончательно превращающую ее в чудовище. Гарпия – имя ей под стать. Злое, коварное и смертоносное.

Девочку, дочку овдовевшего Стефана, она если не любила, то берегла. И обереги делала для нее особенные, охранные.

Не помогли обереги... Мать Габи умерла в родах, у нее на руках. Стефан был безутешен. Гарпии так казалось. Тогда она еще верила, что у этого мужчины есть сердце. Тогда она поклялась, что будет защищать его внуку, как свою собственную. Если потребуется, ценой собственной жизни защищать. И вот как оно вышло... Габи мертва, а у нее, у старой Гарпии, на руках снова младенец. Очень особенный, ни на кого не похожий младенец, в жилах которого смешались две силы: мертвая упыриная и живая колдовская. Не потому ли и родилось это дите мертвым? Вынести такое, вынести и принести в этот мир дано не всякому взрослому, не то что младенчику, маленькой синеглазой девочке, которая осиротела, едва успев родиться.

– Сдюжим, миленькая, – сказала Гарпия шепотом и поцеловала девочку в лоб. – Как-нибудь...

И девочка, которой от роду было не больше часа, улыбнулась ей смешной беззубой улыбкой. Гарпия вытерла слезы. Не время плакать! Время наказывать врага!

Врага рвал на части Темный пес. Враг больше не кричал, и это означало, что конец его близок. Кровопийцы не чувствуют ничего, кроме голода. Даже боли они почти не чувствуют. Но клыки Темного пса могли причинить невыносимую боль любому живому существу. Гарпия подозревала, что и неживому тоже. Темный пес исполнял свой долг – мстил за смерть одной хозяйки, защищал другую. Его ярости хватит на то, чтобы уничтожить любого на их пути,

но довольно смертей! Им с девочкой предстоит научиться жить в мире, который родится с рассветом. И чтобы управиться, нужно спешить.

Гарпия еще успела заглянуть в гаснущие глаза фон Клейста, еще успела плюнуть в его обезображенное лицо до того, как он испустил дух. Не смогла удержаться, не устояла перед клокочущей внутри яростью.

Темный пес щелкнул челюстями, переламывая хребет упыря, уставился на Гарпию тремя парами красных глаз. Одна из голов уже теряла плоть. В ошметках черной шерсти проступала кость. Но взгляд ее был по-прежнему острый и пристальный. Мертвое умереть не может.

Был ли Темный пес по-настоящему мертвым? Гарпия не знала, не нашла объяснений в старых книгах Стефана Бартане. Но три запасных жизни у него все-таки имелись. Три жизни, а потом триста лет забвения. Триста лет прошли, и одна жизнь уже истрачена. Осталось еще две.

– Помоги мне. – Гарпия положила ладонь на одну из голов, и Темный пес оскалился. Оскалился, но не укусил. Помнил слова своей мертвой хозяйки, помнил, кто свой, а кто чужой. Поэтому терпел – клацал зубами, но не трогал.

Гарпия кивнула, прижала девочку к груди, побрела к раскинувшейся на земле Габи, встала перед ней на колени, свободной рукой закрыла невидящие глаза.

– Я сдержу обещание, миленькая, – сказала ласково. – С нашей девочкой все будет хорошо, никто, ни одна живая душа не узнает, чья она дочь. Я изменю ее прошлое, чтобы изменить ее будущее. Я сделаю так, чтобы она не знала этого горя, чтобы силы, которые станут рвать ее на части, спали как можно дольше. Может быть, бог милует, может быть, и не понадобятся они ей.

Темный зверь лег рядом с Габи, заскулил. Гарпия его понимала, ей тоже хотелось выть. Но нельзя! Времени нет. И сил почти не осталось.

– Я сделаю так, чтобы она жила обычной человеческой жизнью, но всему, что сама знаю, что ты умела, научу. Научу, а потом запру дверцу на замок. Ключик спрячу, но недалеко, чтобы смогла отыскать, если понадобится. Вот что я сделаю, миленькая, для нашей девочки. А теперь позволь помочь тебе.

Темный пес нес тело хозяйки бережно, двигался по-кошачьи мягко. Не хрустнуло ни единой ветки под огромными лапами. Этими же лапами он вырыл могилу. В оранжерее, у розового куста. Габи понравится каждую весну прорастать молодыми побегами, распускаться белоснежными бутонами, радовать тех, кто остановится, чтобы полюбоваться на эту красоту.

– Покойся с миром, миленькая, – сказала Гарпия и потерла сухие, словно песком присыпанные глаза. Не осталось больше слез, выплакала. – Ты покойся, а мы пойдем.

Она хотела вернуться за Дмитрием, но не успела. Мужики, разгоряченные, смертельно напуганные и оттого смертельно опасные, уже окружили лежащее у подножья башни тело. Этой ночью мужики видели такое, что еще долго будет сниться им в кошмарных снах. Темный пес, который уже припал к земле, готовый броситься в бой по первой же команде, расправился бы с ними в мгновение ока. Он уже внимательно и требовательно заглядывал в глаза Гарпии, ждал приказа.

Темный пес мог. И она могла. Но что дальше? Что будет с этим удивительным местом после учиненного зверства? Что станет с ней и девочкой? Да, они могли сменить имена, могли уехать далеко-далеко из Гремучей лощины. На то у Гарпии хватило бы и сил, и средств. О деньгах Дмитрий позаботился загодя, словно чувствовал свой близкий конец. Их с Габи дочь никогда не познает нужды. Но Гарпия знала, что уезжать далеко от усадьбы нельзя. Особое место. Упырь это чуял. Они с Габи чуяли. И даже Дмитрий, кажется, неслучайно выбрал именно Гремучую лощину. Особое место. Место силы для тех, кто не такие, как все.

– Мы будем рядом, миленькая. – Она снова коснулась губами лба девочки. – Мы будем рядом, но не здесь. Пока не здесь, а там видно будет.

А разъяренная толпа уже терзала мертвое тело своего бывшего хозяина. Гарпия видела вилы, видела колья. Гарпии хотелось позволить Темному псу убивать. Хотелось убивать самой. Если бы не девочка... Только ради этого дитя она продолжала оставаться человеком и отрицала планы мести. Стиснув зубы, вцепившись в серебряный ошейник Темного пса, она наблюдала, как парит в рассветных сумерках бездыханное тело Дмитрия. Толпе было мало убить единожды. Толпе хотелось подтверждения своей победы.

– ...Бабу, бабу ихнюю надо поймать! – Кричал осипшим, пьяным от крови и безнаказанности голосом молодой мужик. Тот самый, которого пощадила Габи. Габи пощадила, а он падать не собирался. – В башне она прячется! Я точно знаю, что в башне!

И толпа, точно живое существо, отхлынула от дуба, с болтающимся на нем телом, чтобы устремиться к башне. В толпе вспыхивали факелы – предвестники грядущей катастрофы.

– Заваливайте вход, мужики! Заколачивайте окна! Не позволим больше упырям пить нашу кровушку!

Значит, поняли, кем стали те, кто вернулся с погоста. Значит, поверили. Ну что ж, они поверили, а Гарпия запомнила. Каждого из тех, кто измывался над телом Дмитрия, каждого из тех, в чьей руке был факел.

– Я их запомнила, миленькая, – шепнула она уснувшей девочке. – Им не уйти от наказания. Обещаю. А ты ступай! – Она посмотрела на Темного пса. – Ступай, огнеглазый. Не нужна мне больше твоя помощь, дальше я сама справлюсь. Иди-ка сюда. Ну, иди же!

Темный пес подошел, покорно вытянул шею, покорно ждал, пока она снимет серебряный ошейник. Хотелось ли ему уходить обратно в небытие? Гарпия не знала, знала она лишь одно: если понадобится, если потребуется, Темный пес рода Бартане снова восстанет из небытия.

– Вот и все, – сказала она, пряча серебряный ошейник в складках юбки. – Спасибо за помощь, – добавила, наблюдая, как на глазах разваливается рассыпается прахом огромный зверь. Вспыхнула синим огнем черная шерсть, обуглилась плоть, а кости с тихим щелканьем упали на землю. Упали, но пролежали так недолго. Земля быстро прибрала себе свое. Вот и нет больше даже костей, а на месте, где они лежали, прорастает мох, красный, как кровь.

4 глава

Горыныча приходилось придерживать за ошейник. Чего это стоило Григорию, лучше и не думать. Адов зверь рванул вперед с такой силой, что едва не вывихнул ему плечо. Еще и оглядывался костяной головой, зыркал недобро. Зыркал, челюстями клацал, но не трогал. Помнил приказ тети Оли, или не по нраву ему такие, как он, Гриня? Григорию и самому не все было по нраву. Никак он не мог приноровиться к этому своему новому существованию. Никак не мог разобраться, что с ним такое произошло тогда, в лощине, и что творится сейчас. Помнил только, как умолял тетю Олю, чтобы убила, чтобы не оставляла гулять по земле голодной монстрой. Уже тогда, когда умолял, чувствовал в себе этот неправильный, нечеловеческий какой-то голод. И голос в голове слышал. Голос той твари, что порвала его на ошметки, но не добила. А потом голос оборвался. Не стих, не отдалился, а словно бы электрический провод кто-то перекусил.

Стало ли ему легче?

Куда там! Дураком Григорий никогда не был, понимал, что к чему, себе самому не врал. Может и нет больше твари, может и нет больше этого зова, но голод никуда не делся, и боль раздрает грудь, добираясь до сердца, сжимая его стальной хваткой, не давая биться, не давая вздохнуть полной грудью. А перед глазами Зося... Кожа белая, глаза черные, когти, зубы... Не та Зося, какой она была, а та, какой стала по вине твари.

Зосе тетя Оля помогла. Как умела, так и помогла. Григорий не в обиде, теперь он на многое смотрел иначе. Понимать, может, и не понимал до конца, но принимал.

Только то, что сделала или не сделала тятя Оля, принять никак не мог. Как просил он ее, как умолял! Чтобы не мучила, чтобы как тогда с Зосей... А она все смотрела и смотрела. Словно думала, как бы с ним получше поступить, словно примерялась, как бы половчее ударить. А потом сказала:

– Прости меня, Гринечка.

Он бы простил! Он бы что угодно ей пообещал в обмен за смерть, а она вдруг покачала головой.

– Не могу, миленький.

– Можете, тетя Оля! – Слова давались тяжело, больно было говорить, больно было дышать и двигаться. После такой-то боли, умирать вовсе нестрашно. – Я разрешаю. Никто вас за такое винить не станет. Тут осинки вокруг много... как специально, тетя Оля. Или ножиком в сердце... У меня ножик... В кармане пальто... Вы гляньте, тетя Оля... Я сам уже не могу...

Ножик она нашла быстро. Смотрела на него точно так же, как до этого на Григория. Смотрела, а потом вроде как прицелилась. Она прицелилась, а он зажмурился, не захотел смотреть в глаза неминуемой смерти. Вот только обошла смерть стороной, побрезговала, видать.

– Прости меня, Гринечка, – сказала тетя Оля таким голосом, что глаза он открыл. Хоть сил почти не осталось даже на такую малость.

Сказала и черкнула ножом по своей раскрытой ладони.

Запахло кровью. Ах, что это был за запах! Ни с чем такое не сравнить, ничем не заменить! И нежить в нем встрепенулась, дернула его вверх, навстречу раскрытой окровавленной ладони.

– Что вы делаете, тетя Оля?.. – Только и получилось сказать.

– Пей, Гринечка. – А ладонь раскрытая уже близко-близко, перед самым ртом, дразнит, душу вынимает. Или нет у него больше души? – Пей!

Вот тогда Григорий и понял, кто он теперь на самом деле. Понял, что не осталось в нем больше ничего человеческого, что не устоять ему перед соблазном, перед этим одуряющим, с ума сводящим запахом. Как раньше без такого жил?! Выходит, и не жил вовсе. Только сейчас и начнется его не-жизнь.

Впился зубами со звериной яростью. Сначала в плоть, потом в кость. Вгрызся с урчанием, глотнул сладко-горячее, живое. А она даже не вздрогнула, не отдернула руку. Стояла перед ним на коленях, смотрела с жалостью. Не понимала, что не отпустит он ее теперь живой. И рад бы, да не сумеет, потому что нечеловеческого в нем с каждым глотком становится все больше. Потому что она сама виновата!

Григорий пил, наполнялся чужой упоительно сладкой жизнью, а мир вокруг него закручивался, уплотнялся, пока не превратился в узкий светящийся тоннель. И в самом конце этого тоннеля его ждала маленькая синеглазая девочка. Ангел? Разве ж заслужил он, чтобы с той стороны его встречал ангел?!

– Остановись, Григорий, – велел ангел голосом тети Оли и с силой толкнул в грудь, вышибая его из тоннеля в ворох прелых листьев.

И в то же мгновение пришла боль, по сравнению с которой прежняя показалась щекоткой. Рвало, выворачивало наизнанку, и изнанка эта чувствовала все: прикосновение воздуха казалось ударом плети, тихий шепот оглушал, как взрыв боевого снаряда. Вот такая чувствительная у него оказалась изнанка... А выпитая кровь смертельным ядом растекалась по жилам, выжигала Григория изнутри, уничтожала.

– Что это?... – только и смог спросить. На большее не осталось сил.

– Это погибельная кровь мертворожденного, Гринечка. – Женщина, которая обманула и предала, протянула было руку, чтобы погладить его по голове, но не решилась. Правильно, что не решилась. Он бы нашел силы, чтобы впитаться ей уже не в руку, а в глотку. Помогла бы ненависть. – Это шанс для тебя, миленький. Один на миллион, но уж какой есть. Ты же фартовый. – Она говорила, а из синих-синих глаз ее катились слезы. – Ты фартовый, Гринечка. Даст бог, справишься.

Он не справится! С этим никто не справится! Никакой фарт не поможет.

– Я просил помощи... – просипел, выкашливая из глотки черную погибельную кровь. Теперь уж точно погибельную... – А вы... что вы наделали, тетя Оля?..

– Мне пора, Гринечка. – Она встала с колен. – Дальше ты сам...

Сказала и пошла прочь, не оборачиваясь. Спина прямая, осанка царская. Гадина! Мертворожденная гадина!!!

Кажется, он кричал всякое в эту ее прямую спину. Проклинал, грозился прийти к ней, к Танюшке ее прийти.

Не обернулась, даже шаг не замедлила. Ведьма!

Дальше ты сам. Так она сказала, да? Ну так он справится! Назло этой предательнице справится! Вот только изнанка его заживет, задубеет чуток. Вот только боль поутихнет...

По-звериному, с воем и рычанием, он принялся зарываться сначала в прелые листья, а потом, кажись, и в саму землю. Там, в ее сырых холодных недрах, боль отступала, остывала изнанка, прояснялся разум. А потом наступила благословенная темнота. Наверное, он умер...

Не умер. Очнулся в темноте и духоте, заворочался, разбрасывая комья сырой земли, выбираясь из своей собственноручно вырытой могилы. Глубокая оказалась могила. Кому другому ни за что бы не выбраться, другой бы задохся под этой земляной толщей. Но он же фартовый. Ему все по плечу. Вот помер – вот воскрес. Делов-то!

Выбрался, упал спиной на ворох листьев, открыл глаза.

Снова темно. Звезды колючие, шипастые, смотрят сверху вниз, насмехаются. Ну что ж, он тоже посмотрит. На лощину, на свою остывшую, уже кажется подзажившую изнанку.

Ничего в нем, вроде бы, и не изменилось. Разве что рана на шее зажила, словно ее и не было. Та самая рана, что не оставляет живому никакой надежды. А не-живому?

Григорий вдохнул полной грудью холодный туманный воздух. Вдохнуть получилось. И воздух в легких он почувствовал. А запахи лощины так и вовсе ощущал с небывалой яркостью. Вот лисий след еще не остыл, а там в валежнике на дне оврага у нее нора. Лиса старая и больная.

До следующей зимы не доживет. А вот тянет дымком. Палят дрова из липы. Те самые, что он по просьбе Шуры наколол третьего дня.

И темнота не крошечная, а словно бы сквозь тончайшую кисею. Видится все хорошо, только слегка размыто по краям. Был бы он котом, не удивился бы такой зоркости, но ведь не кот же. Не кот, а кто же тогда?

Григорий встал на ноги, прислушался. Сердце билось. Это он точно знал. Билось, но как-то... редко. И дышал он редко, раз пять в минуту, наверное. А со стороны усадьбы доносились звуки музыки. Кто-то с детской самоуверенностью терзал пианино. Усадьба далеко, а пианино слышно, словно бы играют на нем в ближайшем овраге.

Вот такие с ним произошли метаморфозы. Вот таким он выбрался из своей могилы. Вроде бы и живым, но не совсем. Вроде бы и человеком, но не до конца. Разобраться следовало с самым главным. Хоть и страшно, хоть и не хочется.

Григорий сделал над собой усилие, заглянул не в дальние дали, а внутрь себя. Заглянул, как в омут ледяной нырнул, даже дыхание затаил. Он искал голод и лютую нечеловеческую злость. Голод был, тянуло под ложечкой. Но с этим еще предстояло разобраться. Может поймет, как увидит кого живого. Если захочется в горло выпиться, все – пиши пропало. А если не захочется, считай – повезло, считай – сработал фарт. Ненависти не было. Даже к тете Оле. Что было, с тем еще тоже предстояло разобраться. Обида – вероятно. Злость – вполне вероятно. Страх – да как же без него!

Боялся ли Григорий того, что случилось? Боялся ли того, кем стал? Боялся! До дрожи в коленках. Хотя, сказать по правде, коленки не дрожали. И силу в себе он ощущал недюжинную, молодецкую такую силушку. Не ныли мышцы, не болели раны. Да и не было больше ран. Как это он забыл!

В кармане пальто нашелся черствый кусочек хлеба. Шура подкладывала каждому из них: и пацанам, и Григорию. На словах жалеть не умела, не получалось у нее на словах, так она вот так... по-простому. Хлеб в карман – это ли не жалость в голодное время?

Хлеб пах... обычно пах, ни воспоминаний не вызывал, ни особых эмоций. А раньше-то Григорий хлеб любил. Особенно, если свежий, с хрустящей корочкой. Но желудок взвыл, и он положил сухарик в рот. Прежде чем прожевать, подержал на языке. И снова ничего. Ни вкуса, ни эмоций. Начал жевать – словно кусок коры во рту. Невкусно, но, наверное, полезно. Проглотил, подождал, что дальше будет. Ничего особенного не произошло. По крайней мере, желудок перестал выть. Значит, наелся. А наелся ли он сам?

Ох, слишком много вопросов, на которые еще только предстоит найти ответы. Пока ясно только одно: он скорее жив, чем мертв, но некоторых человеческих радостей уже лишен. Зато сильный, зато зоркий и ушастый. Нормальный обмен?

Был бы нормальный, если бы нашелся ответ на самый главный вопрос. Кровопийца он или кто? У упырей, ему думалось, не было собственной воли. Двигала ими лишь лютая жажда. А с его волей как обстоят дела? Пока воля его была крепка, а там как карты лягут.

Потянуло дымом. Да не дровяным, а горьким, с примесью керосина. Заскулила, затявкала в своей норе старая лиса. Заметались в небе вороны. А само небо озарилось красными сполохами. Горела усадьба. Или что-то в усадьбе.

Григорий рванул с места в карьер. Бежал быстро, не опасаясь зацепиться за корень, сорваться в обрыв или насадить глаз на ветку. Видел он прекрасно и корни, и край оврага, и ветки. Видел и уворачивался с невероятной ловкостью. Наверное, и через каменную стену сумел бы перемахнуть, если бы была в том острая нужда, но потайная дверца была предусмотрено открыта. Не пришлось через стену.

И уже оказавшись на территории усадьбы, Григорий растерялся. Слишком много всего: звуков, запахов, чувств. Так много, что не понять, куда бежать, что делать и кого спасать. А

в том, что придется спасать, сомнений не было. Вот, пожалуй, единственное твердое чувство, которое его держало и вело, которое заменило ему чуйку. Или усилило эту чуйку многократно?

Первым делом он отыскал тайник, что показала ему тетя Оля, сунул за пазуху серебряный ошейник. Ошейник неприятно царапал кожу. Даже через рубаху. И вообще... избавиться от него хотелось как можно быстрее. Или хотя бы убрать подальше от собственной шкуры. Той самой, что нынче вывернута наизнанку и потому такая чувствительная.

Разобравшись с ошейником, Григорий замер, запрокинул лицо к небу, втянул ноздрями воздух, прислушался. Запах он хотел вычленить один единственный, но вот беда – за столько лет, что был вдали от сына, уже и забыл, как сын пахнет. Что искать? Где искать?..

Не пришлось долго искать. Горела часовня, и свет от нее ярким факелом освещал все вокруг. Метались темные тени в заброшенной оранжерее. Григорий со своей позиции насчитал три. Насчитал, но бросился не к оранжерее, а к часовне. Воспоминания возвращались, бились о череп холодными волнами. Одно было самое настойчивое, самое болезненное. Митяя они искали в часовне. Искали тайник, там спрятанный. Тогда не нашли, а сейчас часовня полыхает огнем. Почему так? Кто поджег? Где Митяй?

Григорий ринулся вперед, как глупый мотылек на пламя свечи. Да только и он не мотылек, и свечка великовата... Хотел было прорваться внутрь, но почти мгновенно понял, что не получится. Жар от часовни шел такой, что его едва остывшая изнанка снова занялась болью. Григорий отшатнулся, закружил вокруг полыхающих стен, попытался заглянуть в провалы окон. Не пускал огонь, скалился, рычал, словно зверь. Куснул даже за руку. Было больно, но не сильно. Рану Григорий заметил лишь потому, что шкура на руке начала облезать, да противно завоняло горелым мясом. Он пробовал кричать, звать сына, но рев огня заглушал его слабый голос. Накатило отчаяние, такое сильное, что захотелось войти в это кострище, чтобы разом все порешать, чтобы все закончилось.

Слабость была минутная. Никогда Григорий не поддавался хандре и унынию, верил в чуйку и фарт. Вот сейчас чуйка ему нашептывала, что Митяя в часовне может уже и не быть, что убежал, или забрали. Некогда разбираться! Забрали, а часовню подожгли, чтобы сбить упырей со следа. Вот и он сбился, не чувствует ничего, кроме вони пожарища. Не чувствует, но видел кое-что. В оранжерее видел.

Опоздал! И тут опоздал. Из трех теней осталось только одна, лежащая ничком на дорожке, истекающая кровью, погибельной кровью мертворожденных. Вот только Григория больше на кровь эту не тянуло. Как семь бабок его отходили! Или одна единственная, тетя Оля его отходила. Вытащила своей погибельной кровью с того света. С того света вытащила, а до этого может и не дотянула. Болтается он теперь ни живой, ни мертвый, ни голодный, ни сытый. Зато чувствует, вот сейчас остро и отчетливо чувствует тех, кто был в оранжерее до тети Оли. Думал, что забыл родного сына. Ан, нет, не забыл! Был тут Митяй, еще совсем недавно был! А вместе с ним Танюшка и Сева. А еще упырь... След Митяя и Севы слабый. Полчаса, считай, как ушли. Если Григорий поспешит, может, и нагонит. Но сначала нужно отдать долг, вернуть тете Оле то, что ее по праву. Все ж таки он пока еще больше человек, чем не-человек, а люди долги должны возвращать.

Он и вернулся, а потом с почти равнодушным интересом наблюдал, как Гремучая лощина рождает еще одно не-живое, как выбирается на божий свет трехглавая тварь. Сначала тварь, потому что без плоти и шкуры, а потом уже совершенно ясно, что псина. Удивительная трехголовая псина. Две головы ничего, а третья не удалась. Как говорится, ни кожи, ни рожи, одна лишь черепушка. Кем бы ни была диковинная зверушка, а тетю Олю признала за хозяйку, потянулась к ней всеми тремя своими головами. А та обхватила зверушку за мощную шею и защелкнула на этой шее ошейник. Для чего? Зачем? Григорию это было без разницы, проще он стал относиться к жизни. И раньше-то не особо мудрствовал, а теперь и вовсе...

С тетей Олей, которая умирала, и в том не было у Григория никаких сомнений, поговорить хотелось о многом, о многом ее расспросить. Но времени хватило лишь на обещание. Раздавать обещания Григорий был горазд еще при жизни. Что ж и сейчас не пообещать? Да и что еще остается делать в этой дыре? Для чего он заново родился? Вот сейчас они с Горынычем, зверюшкой трехглавой, все порешают. Но сначала найдут Митяя! Митяй – вот сейчас что самое главное! Тетя Оля обещала, но обещание свое не сдержала, ну и он пообещает. С него не убудет. Тем более детишки, небось, где-то вместе. Найдет Митяя, а там, глядишь, и Танюшка отыщется.

Вот никогда Григорий себе не врал, а сейчас соврал... Знал ведь, что нет Танюшки с Митяем, что не с пацанами она, а с фон Клейстом. Новая теперь у упыря появилась игрушка.

Ничего-ничего, игрушку они с Горынычем у фашистской нечисти отберут. Найдут Митяя, убедятся, что с ним все хорошо, и начнут наводить порядок в Гремучем ручье. До утра, глядишь, и управятся.

Вот так Григорий все для себя решил. Да только не принял во внимание еще одного игрока. Горыныч не желал искать Митяя, Горыныч рвался искать Танюшку. И остановить эту трехголовую монстру Григорий был не в силах.

– Да куда ж ты прешь, костяная башка?! – Он кричал, упирался пятками в землю и землю эту пятками вспахивал, потому что Горыныч не слушался и не останавливался. Горыныч рвался в перед и рвал из сустава руку.

Пришлось бежать следом. Проще, наверное, было бы пса отпустить, но не додумался. Так и мчался следом, проклиная все вокруг. А чего добились? А ничего они не добились! Вылетели на всех порах к распахнутым настежь воротам, выскочили на подъездную аллею, чтобы вдохнуть бензиновые пары. Сбежал упырина! Сбежал и Танюшку с собой увез. Зачем ему девчонка – отдельный вопрос. Думать над ним не хочется, потому что страшно, потому что тогда придется думать над тем, зачем ему был нужен Митяй...

– Все, Горыныч, тпру! – крикнул Григорий и уже обеими руками ухватился за ошейник. – Не догоним! На машине уехал гад!

Горыныч неожиданно остановился, посмотрел на Григория красными глазюками, многозначительно клацнул зубами прямо у его руки.

– Ну тебя! – Григорий разжал пальцы, отпуская зверя на волю. – Попробуй догони. Как набегаешься, возвращайся. – Он подумал, потом добавил: – А можешь и не возвращаться. Что мне с тобой таким?..

Горыныч не дослушал, черной молнией бросился вслед давно уже уехавшему из усадьбы автомобилю. Григорий постоял в замешательстве несколько секунд, а потом тоже бросился бежать. Он летел через усадьбу мимо казармы, мимо хозяйского дома, из окон которого доносились веселые голоса и звук фортепьяно. Пока бежал, успел мельком подивиться такому веселью, тому, что никто не пытается потушить пожар. Солдаты спят, бургомистр со свитой веселится... Пробегая мимо столовой, притормозил. В окне кухни горела свеча. Большого Григорий не разглядел, но проверить, как там Шура, будет нелишним.

Шура спала, положив голову на стол. Он точно знал, что она спит, а не умерла. Слышал биение ее сердца. Нет, все-таки это не сон в чистом виде. Слишком редкое сердцебиение. Не такое, как у него, но все равно необычное. Что это? Упыриный морок?

Григорий вошел в комнату, тронул Шуру за плечо. Та встрепенулась, схватила за лежащую на столе скалку, замахнулась. Руку он перехватил, скалку отобрал, заглянул в сонные Шурины глаза, увидел остатки морока.

– Ты?... – Шура покачала головой, стряхивая эти остатки, как собака стряхивает воду с шерсти. – Слава богу, Гриня! А я уже подумала...

– Потом! – Он не дал ей договорить, не было у него на это времени. – Шура, буди ребят, уводи из усадьбы!

– Но как же?

Шура была хорошей женщиной, смелой и честной, но соображала на нынешний Гринин взгляд слишком медленно.

– Говорю, буди ребят и уводи из усадьбы. Главные ворота открыты, часовых я не увидел. Но вы там все равно поосторожнее.

– Но как же без разрешения? – Взгляд Шуры сделался наконец ясным и острым. – Кто нас выпустит без разрешения фон Клейста и этой... ведьмы? Гриня, а чем это пахнет?! – Она встрепенулась, завертела головой. – Горит что-то? Пожар у нас?!

– Горит. – Он уже пятился к выходу. – Горит, и тушить пожар никто не собирается. Будешь медлить, перекинется на домик для прислуги, ребятки пропадут.

Говорил, а сам думал, сколько их осталось – тех ребятков. Без Танюшки, Митяя и Севы, выходило еще четверо. Это если считать ту девочку, которую почти высосала упырица. Жива ли девочка? Сейчас не узнать. Сейчас у него других дел полно.

– А эта... Ольга Владимировна? – Шура волчком крутилась по кухне, собирала в глубокую торбу съестные припасы и, кажется, ножи.

– Нет ее. Фон Клейст убил... – Врать он не стал, но и всей правды не сказал.

– Как убил? – Ахнула Шура.

– Из пистолета! – Рывкнул Григорий, не сдержавшись. – В оранжерее лежит. Хочешь, сбегай посмотри. Только сначала детей из усадьбы выведи.

– Это партизаны?... – Шура схватила его за полы пальто, мазнула взглядом по окровавленной, уже покрывшейся коркой рубашке, спросила шепотом: – Ты раненый, Гриша?

– Не моя кровь! – Он разжал ее пальцы, отступил.

– А чья?

– Не важно.

– Почему тихо так? Усадьба горит, а тишина... Почему не тушат?

– Некому! – бросил Григорий, выбегая из кухни. – Проверь ребятков, Шура!

Дальше он мчался уже без остановки, мимо водонапорной башни к потайной калитке, остановился, лишь оказавшись в лоцине. Остановился не отдышаться – не запыхался он от быстрого бега, – а чтобы принюхаться, прислушаться, осмотреться.

То ли человеческого в нем стало чуть больше, то ли с рассветом удивительные его способности начали терять остроту, то ли Митяй ушел уже довольно далеко, только ничего полезного он не услышал, не увидел и не унюхал.

– Ладно, – сказал Григорий самому себе. – Включаем дедукцию, Ватсон!

Как же он любил Конана Дойля, как нравился ему непревзойденный сыщик Шерлок Холмс! Так сильно нравился, что временами даже было стыдно за то, что сам он находится по ту сторону закона.

– Находился, – поправил он сам себя. – Сейчас законы другие, Ватсон. Законы другие и преступники, стало быть, тоже.

Дальше разговаривать с невидимым собеседником он не стал, решил, что довольно с него на сегодня странностей. Дальше он воспользовался дедукцией и какими-никакими навыками следопыта. Не зря ж с детства ходил с батей на охоту.

Пригодились навыки. След он взял почти сразу, сработал не хуже Горыныча. Шли двое. Первый шагал уверенно, а второй не шел, а волочился. Григорий присел, растер в пальцах ком сырой земли, понюхал. Вот этот, который волочился, это Митяй. Это обязательно должен быть Митяй! Некому больше. А тот, который уверенно, это Сева. Рвался парнишка в бой, хотел помочь с поисками. Вот и помог.

Дальше дело пошло быстрее. Взявши след, Григорий с него больше не сходил. Несколько раз те, кого он преследовал, останавливались. Если судить по примятой земле, Митяй ложился, наверное, чтобы перевести дух. Сева в нетерпении топтался рядом.

Странность он начал замечать не сразу. Был бы прежним Григорием, понял бы быстрее, но в нынешнем состоянии ему еще ко многому нужно приноровиться. Но странности была, и он ее обнаружил. Ребята не уходили от Гремучего ручья, ребята обходили его по большому кругу. Нет, это не странность! Это дурость! Вместо того, чтобы бежать, как можно дальше от усадьбы они кружат на месте. Ну, ничего! Сейчас он их догонит и мозги вправит. Сначала, конечно, убедится, что с пацанами все хорошо, что Митяй его в безопасности, а потом-то уж точно проведет политинформацию.

Догнал через пару минут. Заприметил впереди две фигуры. Фигуры брели, придерживая друг друга, как возвращающиеся из кабака алкаши. Только не алкаши, а Сева с Митяем. Или не Митяем? Григорий присмотрелся. У сына его волос был огненно-рыжий, как у Зоси. Морковная голова видна была издали. А тот, кого волоком тащил Сева, был беловолосый. Или это в лунном свете так кажется?

Думать и разбираться Григорий не стал, тихонько свистнул. Пацаны встали, как вкопанные, но оглянувшись только Сева, завертел головой в поисках звука. Григорий вышел из-за дерева, махнул рукой.

– Это я, – сказал не громко и не тихо, а так, чтобы эти двое его услышали.

– Дядя Гриша?.. – Недоверие в голосе Севы сразу же сменилось радостью. – Дядя Гриша, вы? – Он толкнул в бок седоволосого, заорал: – Митяй, смотри, батя твой!

Значит, все-таки Митяй... Григорий перешел сначала на быстрый шаг, а потом на бег и уже через пару секунд был рядом с пацанами, ощупывал, тряс, заглядывал в глаза Митяю. Ох, лучше бы не заглядывал! За обрывками упыриного морока он увидел такое, что самому впору поседеть. Как увидел и почему, еще предстоит разобраться, а пока нужно разобраться с Митяем.

Григорий схватил сына за худые плечи, встряхнул, рывкнул в равнодушное лицо:

– Митяй, сынок, это я! Батя!

Не ответил, смотрел сквозь него, прислушивался. Морок, черт бы его побрал! Сначала захотелось Митяю ударить, не сильно, а так... чтобы привести в чувство. Но мысль эту Григорий отбросил с отвращением. Хватило с его сына боли и без того! Действовать решил мягко и ласково, как нашептывал ему внутренний голос. Человечий ли? Упыриный? Сейчас не до того!

Самым тяжелым было поймать взгляд Митяя. Взгляд все время ускользал, приходилось раскидывать сети и силки, чтобы его поймать. Но получилось! Несколько мучительных мгновений бездумья, а потом взгляд его сына сделался наконец осмысленным. Митяй моргнул, захлопал белесыми ресницами, как делал в детстве со сна, а потом сказал:

– Батя...

Сказал и теперь уже сам вцепился в Григория мертвой хваткой, теперь уже сам заглядывал ему в глаза.

– Батя, живой...

– Живой, сына! Живой... – Григорий говорил и гладил Митяю по седой голове. Говорил и придумывал, как станет убивать фон Клейста, когда найдет. А теперь он точно знал, что и искать станет, и убить попытается. Потому что нельзя простить то, что упырь сделал с его единственным сыном, во что его превратил. – Живой, Митяй! И я живой, и ты живой, слава богу!

– А мамка? – Митяй все цеплялся, все заглядывал ему в глаза, теперь уже с мольбой и надеждой.

Захотелось соврать. Ему ж не впервой! Но не смог. Нельзя врать родному ребенку. Да и не ребенок Митяй больше. Не осталось в нем ничего детского после пережитого.

– Нет больше нашей мамки... Прости, сынок... – Сказал и крепко зажмурился. Это он сейчас не Митяю признавался, что Зоси больше нет, это он себе признавался, убеждал себя окончательно и бесповоротно.

Митяй тоже зажмурился, губы его скривились, черты лица исказились, но не болью, а яростью. Нечеловеческой, только одному Григорию понятной яростью.

– Разберемся, сынок, – сказал он твердо. – Вот сейчас обсудим все и решим, как быть.

Не выпуская руку сына, он обернулся к Севе, велел:

– Ну, рассказывай, Всеволод!

А в глазах у Всеволода тоже клубился морок. Не черный упыриный, а с серебряной искрой. Словно бы тот, кто морок этот накидывал, изо всех сил старался не навредить, убедить пацана. Тетя Оля? Нет, тетя Оля бы так не старалась, она решительная, резать может по живому. Могла резать... Значит, Танюшка морок накунула. Вот эту серебристую паутинку. А зачем? Чего добивалась?

– Ну-ка, ну-ка, пацан! – Григорий ухватил Севу за воротник, притянул к себе. Тот дернулся, но вырваться не стал. – Дай-ка я и на тебя погляжу.

С Танюшкиной паутинкой разобраться оказалось проще, чем с упыриной. Потянул за краешек, подцепил – и вспыхнула паутинка белым пламенем. Она вспыхнула, а Сева встрепенулся, точно так же, как до этого Митяй, захлопал длинными девчоночьими ресницами, спросил сиплым шепотом:

– Таня где?

Таня где? Хороший вопрос, правильный. Он и сам хотел у Севы спросить, где Таня. А теперь получается, нет смысла спрашивать. Но все же, но все же...

– Давай-ка, Всеволод, расскажи мне все по порядку, – сказал он, теперь одной рукой удерживая Митяя, а второй Севу, переводя требовательный взгляд с одного на другого.

Сева рассказал. Рассказчик из него получился хороший: коротко, без лишних нюней, все по делу. Только когда до Танюшки дело дошло, голос его дрогнул.

– Я хотел остаться, дядя Гриша! Хотел, чтобы они с Митяем вдвоем ушли...

– Я тоже! – Митяй оживал, на щеках его заиграл лихорадочный румянец, а Григорий с болью подумал, не преуспел ли фон Клейст в своих экспериментах. – Нормально все со мной, батя! – Сын поймал его тревожный взгляд, усмехнулся. – Я ж фартовый. Весь в тебя!

– Весь в меня. – Он потрепал сына по белой голове, а сам подумал, что с этой ночи не осталось у них с Митяем ничего общего, кроме фарта. Вот Митяй человеческую свою суть сохранил, несмотря ни на что. А у него не вышло. И плещется в его жилах теперь кровь упыриная пополам с кровью погибельной. А человеческой там, наверное, уже и не осталось.

– И Таня тоже хотела остаться, – продолжил Сева таким тоном, словно пересказывал сон. – Она за бабушку свою переживала, говорила, что без нее никуда не уйдет. А я сказал, что Ольгу Владимировну найду... и остальных тоже. А потом с ним, – он кивнул на Митяя, – с ним что-то стало твориться неладное.

– Не помню... – Митяй покачал головой. – Вот с того момента, как вы с Танькой ругались, ничего не помню. Провал.

– Она сказала, что это зов. Что упыри так подзывают тех, чью кровь сосут. Я вот ничего не слышал. Ровным счетом ничего. – Сева растерянно замолчал, а потом прошептал: – Она ведь согласилась... Мы договорились, что она Митяя уведет, а я останусь.

Договорились. Понятно, как она с ними договаривалась. У девки характер точно такой же, как и у ее бабки, царствие ей небесное. И способности, видать, аналогичные. Заморочила пацана, он и поверил, что делает все, как сам решил, а не по ее указке.

– Она меня поцеловала. – Сева растерянно улыбнулся, а потом смутился, сжал кулаки. – Это она специально, чтобы меня отвлечь, да?

Ох, дети несмышленные! Тут мир рушится, а они думают, настоящий то был поцелуй, или отвлекающий маневр.

– Это она, чтобы ты заткнулся, – буркнул Митяй. – Слишком много ты говорил, аж голова разболелась.

Григорий скосил взгляд на сына. Почудились ему эти язвительные нотки, или Митяй его начинает в себя приходить? Он и раньше-то был на язык несдержан. Сколько раз Зосю из-за него к директору вызывали. Да и сам Григорий имел из-за выходов сына разговоры с соседями. Это еще до того, как в тюрьму загремел.

– Чья бы корова мычала! – Сева нахмурился, и Григорий предусмотрительно встал между пацанами. – Если бы не ты, ничего бы этого не было!

– А я тебя звал?! Я просил тебя меня вытаскивать?!

– А я не ради тебя!

– Ясное дело, не ради меня! Ради Таньки хвост распустил!

Эти двое уже были готовы ринуться в бой, пришлось вмешаться.

– А ну, цыц! – Рывкнул Григорий. Получилось убедительно, даже Митяй глянул на него с изумлением. Дома Григорий никогда голоса не повышал. Ни на жену, ни на сына. Считал, что крики – это не мужское. – Слушайте меня оба! Никто тут не виноват. Ни вы, ни Танюшка. Каждый из вас думал, как будет лучше для остальных. Просто Танюшка оказалась... смекалистее. – Не скажешь же этим молодым и горячим, что их подружка ведьма! А кто, как не ведьма? Вон тетя Оля точно ведьмой была, а как известно, яблоко от яблоньки... – Обдурила она вас, вытурила из усадьбы. – Ага, чтобы под ногами не путались. Самоуверенная девочка. Вот за самоуверенность эту и поплатилась. Она поплатилась, а ему, Григорию, теперь расхлебывай.

– Где она? – спросил Сева. – Вы ее видели? Она в усадьбе?

– Нет. – Григорий помотал головой, расшифровывать свое «нет» пока не стал, мало времени. Вместо этого он тронул Митяя за плечо, спросил: – Ты помнишь, где охотничий домик деда? Найдешь?

Охотничий домик был в лесу, что вплотную подступал к лощине. По прикидкам Григория, добираться туда нужно часа два. А в нынешнем состоянии Митяя так и все три. Домиком эту вросшую в землю хибару можно было назвать весьма условно, но отсидеться там можно, переждать бурю, которая непременно начнется в ближайшие дни.

Митяй молча кивнул. Ни в деревне, ни тем более в Гремучем ручье его больше ничего не держало, значит, артачиться не станет. По крайней мере, сейчас. А вот с Севой придется повозиться.

Как в воду глядел! Сева заупряился. Сева не хотел в охотничий домик, а хотел обратно в усадьбу спасти Танюшку. Пришлось сказать, что Танюшки в усадьбе больше нет, что ее увез фон Клейст. Сначала сказать, а потом пригрозить, что помощи от него никакой не будет, если вот прямо сейчас Сева с Митяем не отправятся в лес.

– А вы куда? – спросил Сева сквозь сцепленные зубы. – Вы обратно пойдете? – Он многозначительно посмотрел на его залитую кровью рубашку, но вопросов задавать не стал. Хотя наверняка у хорошего парня Всеволода было очень много вопросов.

– Я вернусь в усадьбу, прослежу, чтобы остальные ушли без проблем. И вообще...

Что «вообще» уточнять не стал, потому что сам еще до конца не понимал, зачем ему снова в Гремучий ручей. Хотя нет, кое-что понимал. Нельзя оставлять тетю Олю там вот так... в оранжерее. Не по-людски это. Он, может, уже и не совсем человек, но совесть его еще пока при нем.

– А потом, – Григорий перевел взгляд с Севы на Митяя, – очень скоро, я обещаю, мы отправимся на поиски Танюшки. С упырями у меня свои счета, поэтому, не сомневайтесь, ребята, это дело я так не оставляю.

– У меня тоже счета, – процедил сквозь сцепленные зубы Митяй. – У меня к этой гадине такие счета... тебе и не представить, батя!

Григорий представлял. Очень хорошо представлял, хоть и горько было от того, что его пацан столкнулся с вот этим всем. Ну, ничего! Как-нибудь разберутся...

– Значит так, – сказал он, – идете в охотничий домик и ждете меня там сутки. Если к следующему рассвету не приду, уходите. К тетке Лиде в область прорывайтесь. Слышишь, Митька? Меня ждать только сутки! Если задержусь, сам вас найду.

– Как? – спросил Митяй мрачно.

– Как-нибудь. Ступайте!

Он не стал дожидаться, пока пацаны уйдут, развернулся и, не оборачиваясь, пошагал в сторону усадьбы. До ворот далеко, до калитки далеко, значит, придется через стену. Любопытно даже, как получится.

Получилось хорошо, с первого раза. На стену Григорий перепрыгнул с растущего рядом дерева. Не стал ни мудрить, ни лихачить. Со стены прыгнул легко, по-кошачьи. И по-кошачьи же осмотрелся по сторонам. Небо над горизонтом освещало зарево. Только было это зарево пожара, а не рассвета. И удивительная тишина царила вокруг, неживая какая-то тишина.

Первым делом Григорий заглянул в казарму. Просто потому, что шел мимо. Лучше бы не заглядывал...

Солдаты лежали на своих койках. Ровненько лежали. Ноги вместе, руки по швам. Голов не было. Головы валялись в проходе, тарасились на Григория мертвыми глазами. В глазах этих медленно таял морок. Потому и лежали ровненько, потому и не проснулись по тревоге, что сон их был не простой, солдатиков заставили уснуть. Чтобы не мешали, не путались под ногами, пока упыри будут творить свои черные дела. А что потом с солдатами стало, Григорий догадывался по кровавым когтистым следам. Набегался Горыныч по лесу и вернулся, чтобы поквитаться, если не с самим фон Клейстом, так с его приспешниками. Хоть бы только с приспешниками, хоть бы не стал в ключья рвать любого, кто встанет у него на пути. Сердце забило чуть быстрее, и Григорий выбежал из казармы. Сразу же рванул к домику для прислуги. Выдохнул с облегчением, когда увидел, что в домике никого нет. В кухне тоже не было ни души. Значит, не подвела Шура, увела ребят от греха подальше. Ну, а у него еще одно дело. Может и не одно, там видно будет.

Надо выяснить, куда делась сестрица-упырица. Не сказала про нее тетя Оля ни слова перед смертью, сказала лишь, что Танюшка у фон Клейста. Куда же подевалась старая карга? Вот он сейчас и проверит, только заглянет в мастерскую за осиновым колом. С колом оно понадежнее будет.

Не пришлось никого искать. Упырица нашлась в мастерской. Была она пришпилена осиновым колом к верстаку. Одним из тех колов, которые Григорий так предусмотрительно приготовил и замаскировал под черенки от инструментов. В ее черных глазах застыла лютая ненависть. Григорий усмехнулся. Молодец, тетя Оля! Не дрогнула рука. Вот и у него не дрогнет, случись что! Но сейчас думать нужно о другом.

На первом этаже дома все еще горел свет, но ни голосов, ни музыки слышно не было. Григорий, не особо таясь, заглянул в окно. Увидел то, что и ожидал увидеть. И здесь опередил его Горыныч. Как Темный зверь понимал, кого можно трогать, а кого нет? Были ли на людях какие-то невидимые метки? Или он на то и Темный зверь, чтобы видеть самую суть? Чтобы душу человеческую видеть?

Вот у Григория душа так себе, сплошные потемки, а не душа. Если бы не заступничество тети Оли, был бы ему каюк, а так повезло. Фартовый как-никак. Про тетю Олю нельзя забывать. Он затем и вернулся, чтобы не оставлять ее, чтобы похоронить.

В оранжерее было светло как днем из-за разгорающегося, рвущегося к небу пожара. Григорий обеими руками взялся за лопату. Просто так, на всякий случай. Лопата для любого дела может сгодиться, особенно, если у нее черенок из осины.

Не пригодилась лопата, кто-то позаботился о могиле раньше него. Могилу вырыли рядом с колючим остовом старой розы. Когтистыми лапами вырыли, но аккуратно, так, чтобы даже

корни не повредить. Вот, значит, зачем возвращался в усадьбу Горыныч. За тем же, за чем и он сам.

Григорий встал перед лежащей на краю могилы женщиной, вздохнул, порылся в памяти, вспоминая молитву. Хоть какую-нибудь, из далекого детства. Сам-то он был не из тех, кто примерный и праведный, но мамка его в церковь ходила каждое воскресенье. Она же малого Гришку пыталась молитвам научить, но его в то время другие науки интересовали. Однако ж запомнил. Всплывал в памяти напевный мамкин голос, голос всплывал, а он повторял.

– Вы уж простите меня, тетя Оля, – сказал, бросая ком сырой земли в могилу. – Непутевый я, ненадежный. Но Танюшку я найду. Обещаю! Найду, чего бы мне это не стоило. Вы ж понимаете, к упырям у меня нынче свои счета. И у меня, и у пацанов. Если получится, если поблизости вы еще, так присматривайте за нами, направляйте. Хорошо?

Получилось глупо, как-то совсем по-детски, но лежащие вдоль дорожки листья вдруг с тихим шелестом поднялись в воздух, медленно закружились вокруг Григория. Он поймал один, прижал к щеке, улыбнулся, сказал шепотом:

– Хороший вы человек, тетя Оля. Хоть и ведьма.

Листочки спикировали вниз, к его ногам, легли корявой, но различной надписью «Найди».

– Я найду, тетя Оля. – Он мотнул головой и вышел из оранжереи.

Теперь в небе разгоралось сразу две зари: одна искусственная, а вторая настоящая. Пора ему, а то еще, чего доброго, рассыплется пеплом под солнечным светом, как и положено упырю.

– Дурень... – то ли шепнул кто, то ли послышалось. А вот подзатыльник ветер ему отнес самый настоящий, аж в ушах зазвенело.

5 глава

До охотничьего домика добирались долго. Не шли ноги: ни у Севы, ни у Митяя. Митяй вообще ноги еле-еле волочил, но от помощи отказывался, скалился на Севу точно зверь. Сева и не настаивал. Больше всего ему хотелось бросить все и вернуться к усадьбе. Несколько раз даже порывался, но в самый последний момент останавливался. Дядя Гриша обещал помочь с поисками Тани, а дядя Гриша такой человек, который если что обещает, то непременно делает. Вот только странный он какой-то стал, не такой, каким был прежде. Что в нем изменилось, Сева пока не разобрался, но что-то точно изменилось. Опять же, эта кровь... Ясно, что кровь не его, потому что раны Севы не заметил, да и не живут люди с такой кровопотерей. Люди не живут, а упыри как же?

Эту страшную мысль он отбросил, едва та успела родиться в мозгу. Видел он упыря. Да что там видел! Сам едва не стал для него – для нее – обедом. Не было там ничего во взгляде, кроме голода и ярости. А дядя Гриша другой, вон как обрадовался, когда нашел их с Митяем. И за Таню переживает, хоть и не показывает виду. С таким союзником искать ее будет проще. Да, дядя Гриша союзник куда более надежный, чем Митяй.

А Митяй затянул песню. Какую-то заунывную, блатную, про сиротское детство и отобранную волю.

– Тихо, – сказал Сева.

Мог и не говорить, Митяй продолжал завывать громче прежнего.

– Я сказал, замолчи, нас могут услышать!

– Год в ту пору был голодный, стали пададь собирать и последнюю скотинку за бесценок продавать! – выл Митяй.

Что на Севу нашло? Может то, что копилось все эти дни, искало выхода? Нашло, навалилось темной тучей, швырнуло вперед, в спину Митяя...

В себя он пришел не сразу: не отпускало темное, крепко держало за загривок. В себя он пришел от тихого не то шепота, не то едва различимого воя:

Ломит грудь мою, тяжело мне вздохнуть,
Ночью или днем все темно кругом.
Мнится мне порой, будто помер я,
Будто я давно уже похоронен...

Выл Митяй, выл разбитым в кровь ртом, размазывая по бледному лицу грязь и слезы. Он лежал на спине и смотрел на Севу ярко-зелеными глазами. А у Севы ныл кулак...

– Полегчало? – спросил Митяй и сплюнул кровавую юшку на грязный снег.

Не полегчало, только хуже стало.

– Меня упырь не сломал, блондинчик. Думал, у тебя получится? – Митяй больше не улыбался, Митяй смотрел не на Севу, в рассветное небо, из глаз его катились слезы.

– Зачем ты орал? – Сева схватил его за плечи, помог сесть. Сам сел рядом, помотал головой. – Почему не замолчал сразу? Я ж по-хорошему просил. – Злость ушла, а на ее место пришла усталость. Захотелось лечь, как лежал до этого Митяй, закрыть глаза и представить, что ничего этого нет, что его самого больше нет.

– Характер у меня такой... – Митяй скосил на него взгляд, пожал плечами. – Мамка всегда говорила, что я поперечный. Я даже, когда родился, как-то неправильно шел из-за этой своей поперечности.

– Поперечный... – Сева взял пригоршню снега, утер лицо. Холод привел в чувство, вернул на землю. – А про здравый смысл слышал?

– Слышал. – Митяй скривил разбитые губы. – Только нет тут никого – глухомань! Не услышит никто мои вопли, блондинчик. Мы давно уже в лесу, а не в лощине. Фрицы сюда не суются. Даже местные сюда не суются.

– Почему не сказал? Мог ведь объяснить. По-хорошему.

– Да как-то не подумал. Разучился я по-хорошему.

Разучился. Любой бы на его месте разучился, и это нужно понимать. Сева понимал, но выходки Митяя его бесили.

– Следующий раз ты все-таки подумай, прежде чем выкобениваться, – буркнул он, вставая, и помогая подняться Митяю. – У меня, знаешь ли, тоже характер...

– Это я уже понял, блондичик. Ты красавчик с железным характером и чувствительным сердцем.

– Может тебе еще раз врезать? – спросил Сева беззлобно.

– Ну попробуй. – Митяй раскинул руки в стороны, словно собрался обниматься. – Только имей в виду, я ж и ответить могу. Я тебя по-простому, без всяких там приемчиков загрызу. – Сказал и оскалился по-волчьи. Или по-упыриному...

– Да пошел ты! – Сева глянул на него с жалостью и пошагал вперед.

Около часа шли молча. Тишину нарушали лишь чавкающие звуки их шагов. Местность сделалась топкая, в обувь давно уже набралась болотная вода, и от холода Сева уже не чувствовал ног.

– Долго еще? – спросил он. Думал, Митяй не ответит, но тот неожиданно ответил:

– Пришли!

Не соврал. Из-за корявых елей выглянула по самую крышу вросшая в землю избушка. Крыша тоже поросла мхом, а кое-где и мелким кустарником. Заприметить избушку было тяжело, особенно, если не знать, куда смотреть.

– Ее еще мой прадед сложил. Я его не знал, а батя говорил, что мужик был мировой, первейший на всю округу охотник. – Митяй ускорил шаг, к избушке подошел первым, пошарил под замшелым камнем, вытащил ключ. – В лесу больше времени проводил, чем дома в деревне. Лесная душа, понимаешь? – Он вставил ключ в ржавый замок, оглянулся на Севу.

Сева кивнул. Сейчас ему хотелось только одного: побыстрее попасть внутрь, разжечь огонь и согреться.

Внутри было так же холодно, как и снаружи, но возле печки-буржуйки лежали сухие дрова, на деревянном столе нашлись спички. Это означало, что идти за хворостом, а потом мучиться с розжигом им не придется, кто-то позаботился о том, чтобы у тех, кто выберет избушку в качестве прибежища, был хотя бы минимальный комфорт.

Митяй, не снимая одежды, упал на застеленный волчьей шкурой топчан, застолбил место. Других спальных мест в избушке не наблюдалось, но звериных шкур хватало. Если придется, можно поспать и на полу возле буржуйки.

Сева забросил в черное нутро печки дров и невольно вздрогнул от воспоминаний о точно таком же черном нутре отопительного котла в водонапорной башне. Чтобы не думать, следовало заняться делом. Для начала он разжег огонь. Пламя занялось сразу, не пришлось мучиться. Как только от стенок буржуйки волнами пошло тепло, Сева скинул верхнюю одежду, глянул на Митяя.

Митяй лежал с закрытыми глазами и, казалось, спал. Выглядел он плохо, краше в гроб кладут. Поколебавшись секунду, Сева стянул с него насквозь промокшие ботинки и носки, до самого подбородка укрыл пыльным одеялом из шкур. Митяй не проснулся, лишь проворчал что-то зло. Но это был самый обыкновенный сон обыкновенного очень уставшего человека. Обувь и носки Митяя Сева пристроил возле печки и тут же заприметил стоящие в углу валенки. Валенки были огромные, зато сухие и теплые. Собственную обувь Сева пристроил рядом с Митяевой и принялся осматривать охотничий домик.

Кто бы ни пользовался им в последний раз, о будущих гостях этот добрый человек позаботился. В сколоченном из сосновых досок сундуке Сева нашел мешок с крупой, кисет с махоркой, пук какой-то неизвестной травы, вязанку сухих грибов, жестянку с чайной заваркой, кусок рафинада и завернутые в чистую тряпицу сухари. Сколько было лет сухарям, Сева решил не думать, при виде съестных запасов голод дал о себе знать, в животе заурчало.

Закопченный, почерневший от времени котелок он нашел на шербаке, испещренном следами от ножа столе, осталось добыть воду. Логика и здравый смысл подсказывали, что источник воды должен быть где-то поблизости, нужно только поискать. Вот только выходить из избышки совсем не хотелось. Пришлось себя заставлять.

Снаружи уже занимался рассвет, и окружающий избышку лес кутался в густой туман. От земли шел пар. Где-то поблизости чирикала какая-то птица. А еще Сева слышал тихое журчание.

Криница, уже вскрывшаяся ото льда, была совсем близко, в нескольких метрах. Не придется растапливать и кипятить старый снег. Сева зачерпнул в котелок воды, вернулся в избышку. Внутри уже было тепло, весело потрескивали дрова, вкусно пахло дымком. Он вскипятил воду, заварил в большой алюминиевой кружке крепкого чая, отколол от рафинада небольшой кусок, подумал немного и отколол еще один, чуть побольше. Сунул в рот каменный, но все равно сохранивший вкус хлеба сухарь. Стало хорошо. Хотя бы телу. Стало хорошо и захотелось спать. Он ведь провел без сна почти сутки. Да и что еще делать в этом медвежьем углу? Дядя Гриша велел ждать до следующего рассвета. И он будет ждать ровно до рассвета, а потом уйдет. Плевать, пойдет ли с ним Митяй, плевать, что скажет дядя Гриша! Ему нужно отыскать и спасти Таню. Потому что по всему выходило, что их с Митяем она спасла ценой собственной свободы. А он не хочет, чтобы она платила такую цену! И вообще...

На этом «вообще» он и заснул на ворохе старых звериных шкур. Ему ничего не снилось, он просто спал сном смертельно уставшего человека. Как Митяй. А когда проснулся, было темно. Еще темно или уже темно? Как долго он спал? Судя по тому, что дрова в буржуйке давно сгорели и превратились в угли, уже темно. Они с Митяем проспали утро и день. Это значило, что продержаться им осталось лишь ночь, а на рассвете Сева уйдет.

– Ну что, спящая красавица, проснулась? – Голос Митяя был сиплый, но бодрый.

– Давно ты встал? – Сева сел, потянулся до хруста в позвоночнике.

– Недавно. – Митяй сидел, свесив босые ноги с топчана. – Где мои боты?

– Там. – Он кивнул в сторону буржуйки. – Сушиться поставил.

Пока Митяй со стариковским ворчанием обувался, он подбросил в буржуйку еще дров, взял со стола котелок, направился к двери.

– Куда? – послышалось ему вслед.

– За водой. – Он толкнул дверь, шагнул в темноту, теперь уже густую вечернюю, без подсвеченного рассветом тумана.

К темноте этой предстояло приноровиться, привыкнуть и разобраться, где что. В темноте даже звуки были едва различимы, но криница была где-то слева, совсем близко, не заблудишься.

Дверь за ним громко скрипнула, выпуская из избышки ежащегося, взъерошенного со сна Митяя. Не говоря ни слова, Митяй двинулся вправо, из темноты послышалось журчание. Сева хмыкнул и двинул в сторону криницы.

Вода в кринице была обжигающе холодной, на ее поверхности плавали острые льдинки. Сева зачерпнул ее в ладонь, сделал жадный глоток. В животе снова заурчало.

Он наполнил котелок и уже собирался умыться, когда краем глаза заметил что-то необычное. Это что-то было похоже на красные огни. Три пары красных огоньков. Он когда-то читал про болотные огни, но те должны были быть зелеными...

Почти абсолютную тишину нарушил встревоженный крик какой-то ночной птицы. Сева подхватил котелок, встал на ноги. Огоньки исчезли. Может, почудилось со сна?

Вот только не почудилось, громко, во весь голос, заорал Митяй. И его отчаянный крик потонул в грозном рычании.

Волки, мелькнуло в голове! По их следу пришла волчья стая...

– Митяй! – Теперь уже орал он сам. Орал и мчался вперед, не разбирая дороги.

Митяй жался спиной к избушке. Взъерошенный, расхристанный, он выглядел моложе своих лет. Да что там! Он выглядел насмерть напуганным ребенком! И Сева, остановившийся, точно в копаный, видел, что его так напугало. Кто его напугал!

Не волк и не волчья стая – перед Митяем, скалясь и тихо порывая, стояло чудовище, самое жуткое порождение самых жутких кошмаров. Огромный черный пес с двумя головами. Нет, тремя! Просто третья – не голова уже, а клацающий огромными челюстями череп. Пес уперся передними лапами в землю, а его длинный, совсем не собачий хвост нервно метался из стороны в сторону, сшибая заиндевевшие былинки и ветки с кустов. Хвост завораживал даже сильнее, чем головы. Черный, узкий... Кнут, а не хвост.

– Ты видишь? – просипел Митяй, шаря рукой по стене избушки, срывая когтями вековой мох. – Скажи, что ты тоже это видишь?

Трехглавый пес припал к земле, готовясь к прыжку, готовясь всей своей черной тушей, клыками и когтями навалиться на Митяя. Сева со свистом вдохнул холодный болотный воздух и швырнул в зверя котелок. Глупо было надеяться, что котелок причинит хоть какой-нибудь вред чудовищу. Не причинит. Не причинит, но отвлечет, даст Митяю возможность укрыться в доме. Что будет делать он сам, Сева не думал, некогда ему было об этом думать...

Не получилось отвлечь. Длинный, словно чешуей покрытый хвост, стеганул с такой силой, что Сева свалился на землю. А зверь сделал первый неспешный шаг к окаменевшему Митяю. Еще несколько таких шагов – и все, останутся от козлика рожки да ножки. От двух козчиков...

– В дом! – Заорал Сева. – Прячься!

Крик его потонул в яростном рыке, и огромный черный зверь сорвался с места. Зверь сорвался, а наперехват ему бросился человек. Откуда взялся, Сева не разглядел. В первый момент он даже не понял, кто встал между чудовищем и Митяем. Бесстрашно встал, безрассудно!

– Стоять, Горыныч! Свои! – сказал человек сильным, но все равно узнаваемым голосом дяди Гриши. – Стоять, я сказал!

И чудовище замерло, припало к земле всеми тремя своими головами, зарычало недовольно. А дядя Гриша, бросив быстрый взгляд сначала на Митяя, потом на Севу, шагнул к чудовищу, положил ладонь на среднюю голову. Сева считал, что многое повидал на своем веку, но сейчас в ожидании неминуемого трусливо зажмурился.

Неминуемое не случилось, наступившую тишину нарушил успокаивающий голос дяди Гриши:

– Вот ты, значит, где, Горыныч. Набегался за фон Клейстом, да? Набегался и решил другой след взять? Слышь, Митя, это он на тебе упыринный дух почуял, потому и пришел.

Сева открыл глаза. Дядя Гриша стоял аккуратно между псом и Митяем, пес скалился, зло порывался, зыркал красными глазами, но нападать, кажется, больше не собирался.

– На мне тоже этот дух. – Он говорил словно бы сам с собой, уже не с псом и не с ними. – Но меня трогать ему хозяйка запретила. Я теперь, так сказать, временный хозяин неведомой монстры. Да ты не обижайся, не обижайся, Горыныч! Это я не в обиду тебе, а так... с уважением.

Он говорил, а они слушали. Все слушали, даже монстра. Сева не верил своим глазам, думалось, что он все еще спит и видит вот этот страшный и диковинный сон, а стоит только проснуться, как все исчезнет.

– ...Но тут такое дело, Горыныч... Ты же умная тварь. Божья или еще чья, я не знаю, но видно же, что мозги у тебя имеются. Аж три мозга сразу. Или уже два... Запутался я в анатомии, Горыныч, ты уж прости. Меня прости, но главное запомни крепко накрепко. Эти ребята свои! Уже не знаю, станешь ты их защищать или нет, но трогать их не смей! У них тот же враг, что и у нас с тобой. Слышишь меня?

И трехглавый зверь слушал! Слушал очень внимательно, шурил красные глаза, одна голова следила за дядей Гришей, а две другие – за Севой с Митяем. Сева на всякий случай ущипнул себя за руку. Боль почувствовал, а вот пробуждения так и не наступило. Значит, если и кошмар, то кошмар наяву. Такие дела...

– От упыря они тоже пострадали. Особенно этот. – Дядя Гриша указал на Митяя. – Потому от него дух такой... потому, что пострадал. А Танюшка его спасла. И хозяйка твоя его найти пыталась. Слышишь меня, дурья башка?!

Целую минуту ничего не происходило, а потом чудовище улеглось на землю, положило на передние лапы одну из голов, две остальные продолжали зорко следить за Севой и Митяем, длинный хвост нервно подергивался. Никак не по-собачьи, скорее уж, по-кошачьи.

– Вот и молодец! – Дядя Гриша по-свойски потрепал пса по той голове, что лежала на лапах. Пес не шелохнулся, лишь тихонько заворчал. – Ты лежи тут, Горыныч, отдохни с дорожки, а я с пацанами переговорю.

Он попятился от чудовища, но не из-за страха, а чтобы не выпускать из виду. Попятился, схватил Митяя за руку, поманил пальцем Севу.

– В дом, ребятки, – сказал одними губами.

Их не пришлось просить дважды, уже через мгновение все они были в избушке. Сева для надежности даже запер дверь на засов.

– Что это? – спросил Митяй, в бессилии опускаясь на топчан. – Что это такое, батя?!

– И почему оно вас не тронуло? – Севе тоже было интересно. Теперь, когда первый страх прошел, любопытство рвало его на части.

– Он и вас уже не тронет. – Дядя Гриша тяжело опустился на лавку. – Но, признаюсь, хорошо, что я успел.

– А почему вы так долго? Вы узнали, где Таня?

Дядя Гриша глянул на него как-то так, что сразу стало понятно – не узнал, но узнает.

– Дела были кое-какие... – И какие именно дела тоже не стал говорить. Сплошные загадки. – Есть хотите, пацаны? – спросил вроде у обоих, но посмотрел на Митяя. С тревогой посмотрел. – Я тут прихватил кое-чего из усадьбы. На первое время должно хватить.

– Не переживай, батя. – Митяй криво усмехнулся. – Есть я хочу, но голод у меня самый обычный. Вишь, блондинчика не обглодал. – Он зыркнул на Севу, и тот пожал в ответ плечами. К ершистости и поперечности Митяя он, кажется, уже начал привыкать. – Ты нам лучше расскажи, что это там снаружи. Я же подумал, что все, каюк мне пришел! Упырь не добил, так сейчас эта тварь болотная порешит.

– Вы про хозяйку его что-то говорили. – Напомнил Сева. Он выглянул в окно. В темноте не было видно ничего, кроме трех пар красных огоньков. Не привиделась болотная тварь.

– Она не болотная. – Дядя Гриша подошел к столу, из вещмешка принялся выкладывать на него съестное: хлеб, консервы, шмат сала, кусок запеченного мяса. Поставил и початую бутылку вина с этикеткой на немецком.

Сразу стало понятно, что провизия трофейная, а вино и мясо дядя Гриша добыл прямо с праздничного стола. Интересно, куда подевались те, кто за столом сидел? Но спрашивать Сева не стал. Были вопросы и поинтереснее. Вот про тварь, например.

– Это Темный пес. – Из-за пояса дядя Гриша достал нож, принялся нарезать сало и хлеб. В животе у Севы громко заурчало. У Митяя тоже. – Почему темный, не спрашивайте, не знаю. Так мне его хозяйка представила.

– А кто у него хозяйка? – Митяй не стал дожидаться сервировки стола, обеими руками схватил хлеб, впился в сало со звериной яростью, разве что не заурчал.

– Тетя Оля у него хозяйка, – сказал дядя Гриша будничным тоном и так же буднично протянул Севе его порцию.

– Ольга Владимировна?.. – Сева прекрасно понимал, что у Таниной бабушки было много тайн, но чтобы вот такая... о трех головах.

– Долгая история. – Сам дядя Гриша к еде не притронулся, но плеснул себе в алюминиевую кружку вина. – Что-то связанное с ее родом. Древний у них с Танюшкой оказался род, с историей. – Вино он выпил залпом, отставил чашку, вытащил из нагрудного кармана папиросы, закурил.

– Батя, дай мне, – попросил Митяй.

– Я тебе дам! Я тебе сейчас так дам, что мало не покажется! – Дядя Гриша погрозил ему кулаком, тоже так... буднично погрозил, без злобы. Но папиросы не дал.

– Откуда он взялся? – спросил Сева. – Где она его держала?

– Под землей. – Дядя Гриша глубоко затынулся, удовлетворенно покачал головой, сказал, словно разговаривая сам с собой: – Ну, хоть тут все в порядке. – И опять затынулся.

– Как это – под землей? – Сева снова выглянул в окно. Красные огоньки приблизились, а потом с той стороны на него зыркнула мертвая костяная голова. Зыркнула, челюстями лягнула. От неожиданности он отшатнулся, едва не снес лавку.

– Не шали, Горыныч, – сказал дядя Гриша тем же тоном, которым сказал Митяю, что не даст ему закурить. Что-то стало с его тоном, изменилось что-то. Вроде, и неуловимо, а все равно ощутимо. – Не пугай мне пацанов, им и без того досталось. – Он перевел взгляд на Севу, продолжил, как ни в чем не бывало: – Вот так – под землей. Она перед смертью позвала, а он из земли выбрался.

– Как упырь? – спросил Сева и тут же прикусил язык, увидев, как напрягся Митяй.

– Похож он на упыря, Всеволод? – Дядя Гриша усмехнулся.

– На Цербера он похож. Это такой...

– Я знаю, кто это такой. – Дядя Гриша не дал ему договорить. – Может, так оно и есть. Может, дальний родственник какой. Но то, что зверюшка не из наших мест, думаю, вам очевидно.

– И что теперь? – спросил с набитым ртом Митяй. – Он так и будет за нами ходить?

– Пока да. – Взгляд дяди Гриши сделался задумчивым. – Пока по лесам и болотам бегаем, это не проблема, а вот как к людям выйдем...

– Зачем она его позвала? – Не выдержал Сева. В отличие от Митяя, ему кусок больше в горло не шел. Даже не верилось, что так хотелось есть.

– Для Танюшки. Чтобы защищал. Я же сказал, родовой зверь. Древний и нездешний. Однажды он тети Оли матушку и саму тетю Олю уже защитил. Вот, видать, тогда одной башкой и поплатился. А теперь пришел черед Танюшку защищать. Тетя Оля перед своей смертью ему шепнула, кого ни в коем случае нельзя обижать, меня велела слушаться безоговорочно. – Дядя Гриша снова усмехнулся, сам себя поправил: – Ну, безоговорочно, это я погорячился. Своенравная зверюшка. Бегаем, где хочет. Убивает, кого хочет.

– Кого он уже убил? – с болезненным нетерпением в голосе спросил Митяй. – Кого, батя?!

– Всех фрицев. И тех, кто квартировал в Гремучем ручье, и тех, кто погостить приехал.

– А наших? – Сердце тревожно сжалось.

– Нет, наших не тронул. Уж не знаю, сколько там в этих головах разума, но в том, что побольше, чем у обычной собаки, я не сомневаюсь. Остальных ребят Шура из усадьбы увела еще до того, как там все... началось. По крайней мере, их тел я не нашел, когда вернулся.

– А ведьма? С ней что? – К тому факту, что трехглавый зверь, ведущий свою родословную от самого Цербера, перерезал всех фрицев, Сева отнесся с равнодушным спокойствием. Поделом! Но оставалась старуха, сестра фон Клейста, тварь, которая убила тех девочек из водонапорной башни и превратила в нежить бедную Настю.

– А с ведьмой поковиталась тетя Оля. Пришила осиновым колом, как летучую мышь. Коротко, как-то истерично хохотнул Митяй.

– Вот бы посмотреть! – сказал весело.

– Не надо тебе на такое смотреть, сынок. – Дядя Гриша глянул на него с жалостью. – Не на что там сейчас смотреть. Давайте-ка лучше налегайте на пайку. Я быстро собирался, похватал, что под руку попало. Старался в первую очередь консервы брать, но получалось по-всякому.

Он говорил, нахваливал еду, но сам не ел. Не хотел или экономил, чтобы им с Митяем больше досталось? Или по какой-то другой причине? Настя тоже не сразу стала упырем...

– Чья на вас кровь, дядя Гриша? – спросил Сева и не узнал свой голос, таким сиплым он сделался.

– Ты видишь на мне раны? – Дядя Гриша посмотрел на него очень внимательно.

– Может быть, они под одеждой! – Сказал «А», нужно говорить и «Б»!

– Что ты несешь, блондинчик?! – вскинулся Митяй, но дядя Гриша остановил его взмахом руки.

– Все в порядке, сынок. Он правильные вопросы задает. Вспоминай, Сева! Тех девочек из башни вспоминай. Были на них раны?

Ему и вспоминать не нужно, до сих пор все перед глазами. И прозрачная кожа, и раны на запястьях.

– Тебе нужны доказательства, что я не один из них. Понимаю.

– Вы пропали. Ольга Владимировна сказала...

– Все хорошо, парень. Не надо оправдываться.

Дядя Гриша принялся стаскивать с себя сначала пальто, потом рубаху, а потом и штаны. Оставшись в одном исподнем, он встал перед Севой сначала лицом, а потом спиной.

Имелись на его шкуре раны. И раны, и ожоги, и следы от порезов. Эх, видать, жизнь у него была интересная... Но тех особенных ран не было. Сева проверил. Несмотря на негодование Митяя и острое чувство стыда за собственное неверие, проверил.

– Убедился? – спросил дядя Гриша, натягивая обратно штаны.

– Откуда крови столько? – Это не было извинением, но прозвучало именно как извинение.

– Это того, другого. Упыря из лощины. Нет его больше, покончено с ним. Скажи, Сева, как думаешь, доверила бы мне тетя Оля свою зверюшку трехглавую, если бы я был одним из них? Наказала бы мне защищать Танюшку?

Сева подумал. По всему выходило, что дядя Гриша был и оставался человеком, но душу все равно что-то грызло, что-то смутное и тревожное.

– Он от монстры нас защитил! – сказал Митяй с вызовом. – Слышишь, блондинчик?! Если бы не мой батя, от нас бы только косточки остались!

И ведь правду сказал. С этим и не поспоришь. А может и не надо спорить? Вот он, дядя Гриша, нарезает хлеб, зажав папиросу в зубах. Теперь им проще будет искать Таню. Теперь у них точно появится какой-то план.

– У вас есть план, дядя Гриша? – спросил Сева с надеждой.

6 глава

– У вас есть план, дядя Гриша? – спросил его Сева и посмотрел так, что впору отвернуться, чтобы не выдавать собственную растерянность.

– Есть, – сказал Григорий, последней затяжкой докуривая папиросу. – Сейчас передохнем и по свету тронемся в путь.

– Куда?

А он настырный, этот пацаненок. Знал бы Григорий куда, уже бы давно там был.

– Пока из болота выберемся, заглянем в Видово, поспрашиваю там кое-кого.

– Тани не будет в Видово! В город нужно идти!

Настырный и упрямый...

– Сначала в Видово, а потом в город, – сказал Григорий, как отрезал. В их маленьком боевом отряде должен быть только один командир, и это точно не семнадцатилетний пацан. – Митяй, ты как себя чувствуешь? – Он протянул сыну кружку с вином.

– Папирос пожалел, а вином угощаешь? – усмехнулся Митяй. И когда успел повзрослеть? Ничего от прежнего мальчишки не осталось...

– Говорят, красное вино хорошо при кровопотерях. Я же тебе немного, самую малость.

– Кто говорит? – Митяй осторожно понюхал кружку.

– Да так... был я с одним фельдшером знаком. Много он интересного рассказывал. Пей, сына.

Митяй выпил вино залпом, как самогон. Выпил, поморщился почти с отвращением.

– Тебе не предлагаю. – Григорий посмотрел на Всеволода. – Комсомольцам противопоказано.

Всеволод тоже усмехнулся и тоже совершенно по-взрослому. Вот так, всего за пару недель мальчишки превратились в мужчин.

– Ты вон лучше сала поешь и мяса. Я такого вкусного мяса лет пять не ел.

На самом деле вкуса мяса он не чувствовал, как не чувствовал и острого голода. Вот табачный дым ощущал, как раньше. И вино приятно пощипывало небо. Может, не все еще потеряно?

Сева послушно взял краюху хлеба с уложенными на него кусками мяса, так же послушно, с отстраненным выражением лица принялся жевать. Наверное, тоже не чувствует вкуса. Только по другим причинам.

– А с монстрой что будем делать? – После выпитого вина щеки Митяя чуть порозовели.

– Я пока не решил, но сдается мне, пользы от него будет больше, чем вреда. Какая-никакая, а защита.

– Какая-никакая... – хмыкнул Сева.

– Он обратно под землю не уйдет, пока Танюшку не отыщет. Это я про него уже понял. А он понял, что со мной ее отыскать будет легче. Я ж говорю, умная тварь.

– И приметная. – Митяй выглянул в окно, поежился.

– Разберемся. В город его с собой не потащим – это ясное дело, но в лесу и в лощине он нам еще может пригодиться. Ну, наелись? – Он обвел пацанов внимательным взглядом. Те кивнули в ответ. – Тогда пайку я убираю. Неизвестно, сколько нам еще придется...

– А он чем питается? – спросил Сева, кивнув в сторону окна.

– А он уже на неделю вперед наелся. – Перед глазами встала сначала казарма, потом разгромленная, залитая кровью гостиная. – Может, даже на годы. Ладно, ждем, когда рассветет, и выдвигаемся.

– Вы отдохнуть не хотите? – снова спросил Сева. – Вы же тоже больше суток на ногах.

А и то верно! На ногах он давно. Вот только ни усталости, ни сонливости не чувствует.

– Прилягу, пожалуй. Через пару часов меня разбудите. И это... без меня пока на двор не ходите. Горыныч – зверюшка умная, но мало ли.

Пару часов он не проспал, а пролежал с закрытыми глазами, прикидывая, как быть дальше, где искать Танюшку. Интуиция, которая до сегодняшнего дня его не подводила, говорила, что искать долго не придется, не уйдет упырина фон Клейст далеко от Гремучего ручья. Слишком уж место хорошее для таких, как он. Да и не только для упырей, если уж начистоту. Тетя Оля в лощине тоже изменилась, помолодела вроде как. И силы ее колдовские именно тут проснулись. Что-то не припоминал Григорий раньше никаких особых сил. Проницательность же не в счет. Училки все проницательные, работа у них такая. И фон Клейст не просто так в усадьбу приперся. Значит, нужно ему что-то. Не только от Танюшки нужно, но и от самого этого места.

Григорий размышлял, а пацаны молчали. За все время, что он притворялся спящим, не перекинулись ни единым словом. Эх, не выходит у них дружбы...

Ровно через два часа Григорий открыл глаза, сказал нарочито бодрым голосом:

– Ну все, ребятки, перекемарил!

Встрепенулись сразу оба. Видно, замаялись сидеть в тишине и неизвестности. Лучше бы сами поспали. За окном все равно еще тьма египетская, светает на болоте долго.

– Выдвигаемся? – тут же спросил Сева.

– Что, не терпится? – Григорий сунул ноги в сапоги, вытащил из кармана пачку папирос.

– Время не терпит, дядя Гриша, – сказал пацан очень серьезно.

– Ну, раз время не терпит, тогда сейчас чайку хлебнем и в путь!

В темноте он нынче ориентировался неплохо, видел не с кошачьей зоркостью, но тоже ничего так. Да и места здешние знал хорошо, сколько раз хаживал сюда с дедом. Если тронуться в путь прямо сейчас, то к рассвету они будут уже в Видово.

Чай пили в полном молчании. Григорий тоже пил, хоть и не хотелось. А осушив кружку до дна, сказал:

– Ну, я пошел с Горынычем договариваться. Вы выходите, как позову.

Спорить пацаны не стали, несмотря на нетерпение.

Горыныч лежал на том же месте, где они оставили его несколько часов назад. При появлении Григория он вскинул все три головы, оскалился тремя пастьями.

– Свои, – сказал Григорий, закуривая. – Ну, как ты тут, зверь нездешний?

Зверь тихо рыкнул в ответ.

– Понимаю, заждался. Только и ты меня пойми – не получится тут с наскока, не те времена. Это раньше сабли, шпаги и мечи, а сейчас пистолеты, автоматы, гранаты. Другое оружие. Понимаешь?

Если и понимал, то виду не подавал, просто смотрел и слушал.

– В казарме и в усадьбе тебе, считай, повезло. Они там все под мороком были. Солдат фон Клейст заморочил, а бургомистра со свитой ведьма. А вот если бы палить начали? Если б из автомата в тебя? Я, конечно, не до конца понимаю, что ты за тварь такая, но судя по тому, что одной башки у тебя уже нету, не такой уж ты и неуязвимый. Поэтому давай-ка, Горыныч, побережемся. Как говорится, береженного и бог бережет. Усек?

То ли показалось, то ли средняя голова и в самом деле кивнула ему в ответ. Средняя голова нравилась ему больше остальных, казалась посмышленнее, что ли.

– Вот и хорошо. А теперь главное, Горыныч, пацанов моих трогать не смей. Они такому, как ты, ясное дело, не хозяева, но и не враги. Если будет у тебя такая возможность и желание, так присмотри и за ними. Танюшка, твоя настоящая хозяйка, очень за этих оболтусов переживала. Переживает. – Тут же поправил он себя, а потом спросил: – Ну, понял?

Теперь кивнули сразу три головы. Значит, не почудилось прошлый раз. Умная зверюшка! Умная и учится быстро.

– Спасибо! – сказал Григорий с чувством, а потом добавил: – Полежи-ка еще чуток, а я заберу кое-что.

Охотничье дедово ружье было спрятано в схроне вместе с патронами. Схрон специально делался надежным и сухим, чтобы ничего не заржавело и не отсырело, чтобы, как только возникнет нужда, сразу пошло в дело. Нужда возникла. Пригодился дедов схрон. А пацаны – вот же дурачье! – уже высунулись из двери. Горынычу только лапой махнуть, и не станет пацанов. Но Горыныч лапой не махал, лежал смирно, лишь поглядывал искоса.

– Свои, – напомнил Григорий на всякий случай, и Горыныч в ответ снова рыкнул. – А вы выходите, раз уж невтерпёж! – И повесил ружье на плечо.

Мало того, что вышли – еще и к Темному псу подошли на такое расстояние, что у Григория перестало биться сердце. Впрочем, билось оно у него теперь не особо часто.

– Полегче, – предупредил он сразу всех: и пацанов, и Горыныча. – Не нужно сразу обниматься.

Пацаны поморщились, а Горыныч оскалился всеми тремя пастями, вроде как улыбнулся.

– Ну, раз познакомились, так давайте выдвигаться. – На всякий случай Григорий встал между псом и пацанами и ружье с плеча снял. Тоже на всякий случай. – Ты, Горыныч, беги вперед. Будешь у нас разведчиком. Если заметишь кого, сразу не бросайся, вернись к нам, будем разбираться. Тут, знаешь ли, партизаны могут бродить. Это такие ребята, который трогать не надо, для нас они пока не враги.

Сева и Митяй зыркнули на него со смесью злости и недоумения. Что значит – не враги? Они герои!

Может и герои, да только сам Григорий не доверял сейчас никому, ни фашистам, ни партизанам. Как говорится, своя рубашка ближе к телу. И лучше бы им не встречаться ни с теми, ни с этими.

– Вперед, Горыныч! – сказал он, и Темный пес сорвался с места.

Нет, не так... Темный пес сам стал темнотой. Вот он есть – вот его нет.

Григорий присвистнул, пацаны переглянулись. Кое в чем они все-таки проявляли единодушие. Может, и подружатся. Митьке нужен хороший друг. Особенно сейчас.

Шли гуськом: Григорий первым, следом Митяй, замыкал цепь Сева. Митяй пытался возражать, пришлось на него цыкнуть. Не время для девичьих капризов.

Пока шли, не встретили ни единой живой души. А Горыныч, если и был где-то поблизости, то не показывался. О том, что деревня близко, узнали по загорающемуся над лесом зареву. Нехорошему зареву... И гарью запахло. Гарь Григорий учуял еще задолго, но до последнего не хотел верить.

Пришлось поверить. Видово горело! Полыхало жарким, щедро подкормленным бензином пламенем.

– Что это, батя?.. – Митяй облизнул пересохшие губы, ухватил Григория за рукав. – Что там?!

– Деревню подожгли, – не сказал, а процедил сквозь стиснутые зубы Сева. – Эти гады подожгли деревню! – Голос его сорвался на крик.

– Тихо! – Рывкнул на него Григорий. – Воплями ты никому не поможешь, никого не спасешь.

– Там люди! Слышите, дядя Гриша, там же живые люди! – Сева больше не кричал, но все равно казалось, что кричит. – Им же надо помочь!

Подумалось, что уже неживые, при таком-то зареве. Но говорить этого вслух Григорий не стал.

– В город идем, – сказал он вместо этого. Сказал решительно и строго, чтобы даже не подумали перечить.

– В город?! – Теперь они смотрели на него почти с ненавистью. И Сева, и Митяй.

– Батя, в город?! – Губы Митяя посинели, как у покойника. – И оставим там всех? Бабу Симу оставим? Василя Петровича?! Леньку Сиволапова?!

Он бы перечислил их всех, всех, с кем рос, водил дружбу и дрался. Он жалел их всех и был готов спасать их от неминуемого. И в этот самый момент Григорий понял, что не станет мешать, что у него, непутевого и никчемного, вырос замечательный сын. Так уж ему повезло...

– Хорошо, – сказал Григорий, ни на кого не глядя, и пошагал вперед, к голодному зареву.

– Мы в деревню? – Они нагнали его тут же, встали по обе стороны, словно часовые.

– Я в деревню, а вы не мешайте! – Рывкнул он и ускорил шаг.

Горели крайние хаты. Дом Василя Петровича уже занялся таким факелом, который не потушить. Рядом стрелял искрами покосившийся домишко Мишани-полицая. Искра попала, или фрицы решили не щадить никого? За что мстят? Ясное дело – за что! За трупы в Гремучем ручье, за оторванную башку бургомистра.

Перед домом старухи Самохиной, еще пока невредимым, с беспомощным лаем металась лохматая собачонка. Кого облаивала? Григорий присмотрелся. Из хаты волоком волокли собачкину хозяйку. Старуха Самохина в мирные годы бабой была вредной, не единожды жаловалась на Митяя участковому, но сейчас время было не мирное, сейчас старуху Самохину волокли на верную смерть, а собачонка пыталась ее защитить. Собачонку убили очередью из автомата, и старуха завывала нечеловеческим голосом. У Григория от этого воя волосы на загривке встали дыбом.

– Надо что-то делать, – прохрипел рядом Сева.

– погоди, – цыкнул на него Григорий. – Разобраться надо.

Разбирались недолго. Эсэсовцы стогнали людей на окраину, к пустующему с начала войны коровнику. Почему сюда? Потому что деревянный, потому что окна маленькие, а ворота можно заколотить... Хорошо, что Григорий понял это раньше, чем пацаны. Плохо, что понимание это ровным счетом ничего не давало. Или все-таки давало?

Он принялся считать. Нет не сельчан, а фрицев. По головам, как кур. Голов получалось двадцать. Двадцать до зубов вооруженных головорезов. А с ними Мишаня-полицай, бегают, суется гадина! Если придется стрелять, Мишаню он уберет первым. Давно нужно было.

– Что они делают? – шепотом спросил Митяй.

– Ждите меня здесь! – велел Григорий, а потом добавил строго: – И не суйтесь! Сам разберусь. А если не разберусь, пробирайтесь к тетке... – Он не договорил, махнул рукой, то ли прощаясь, то ли отгоняя их от себя. Махнул и двинулся вперед, к полыхающей деревенской окраине.

Пока шел, молил лишь об одном, чтобы пацаны не рванули следом, потому что голова ему сейчас нужна холодная, чтобы не волноваться о них и не думать. Надо было оставить Горыныча, чтобы присмотрел, чтобы не пустил.

Стоило только подумать про Темного пса, как из предрассветных сумерек появилась костяная голова, клецнула челюстью. Легко на помине.

– Ну что там? – спросил Григорий, глядя в полыхающие алым глаза.

Горыныч не ответил, лишь оскалился.

– Там враги. – Он махнул рукой в сторону зарева. – Не те, что в коровнике. Эти наши. А те, что с автоматами. Как в усадьбе. Понимаешь?

Горыныч слушал очень внимательно. Понял ли?

– Но тобой я рисковать не могу. Ты для другого создан. Поэтому просто попрошу, посмотри за ребятами, Горыныч, будь другом! – Сказал и погладил каждую башку по очереди, даже костяную. – Ну, я пошел!

Он сдернул с плеча ружье, перехватил поудобнее. Никогда! Никогда Гриня Куликов не был героем. И дураком не был, чтобы в герои рваться. А теперь словно затмение какое нашло. Ну что ж он будет стоять и смотреть, как горит коровник с людьми?! Можно конечно и не смот-

реть. Можно отвернуться, сделать вид, что его это не касается. Вот только как жить дальше, как потом взглянуть в глаза собственному сыну? Да и ноет что-то... Там, где раньше билось, теперь ноет.

До удобной позиции он добрался быстро, спрятался за кустом сирени. Летом это была бы знатная защита, а сейчас так себе. Оставалось надеяться на темноту. Он в темноте, а фашисты в свете пожарища, словно на яркой сцене. Вот только много их, слишком много.

К сараю больше никого не стогнали. То ли все сельчане уже были там, то ли сжечь решили не всех, а лишь часть. Для острастки. Эти твари любили вот так... для острастки. Григорий давно понял их звериную суть. Он лежал пузом на мерзлой земле и совсем не чувствовал холода. Сказать по правде, чувствовал он сейчас все как-то иначе, где-то притупилось, а где-то наоборот таким острым стало, что неровен час – порежешься. Он лежал и думал, что один в поле не воин, что с дедовым ружьем против автоматов – это нелепейшая самоуверенность, но все равно продолжал вглядываться, целиться. Сначала видел лишь темную стену какой-то развалюхи, а потом на ее фоне разглядел двоих. Один бил второго. Бил Мишаня-полицай, с ноги и наотмашь. А бил он Василя Петровича, тети Оли старого знакомца. Зося как-то обмолвилась, что не просто знакомца, что Василь Петрович за тетей Олей даже ухаживать пытался. Но сейчас это уже не важно. Нет тети Оли и скоро не станет Василя Петровича, потому что Мишаня бить перестал и потянул из-за пояса пистолет.

Григорий прицелился. Прогремел выстрел, Мишаня-полицай упал мордой вниз. Мишаня упал, а Василь Петрович наоборот попытался встать.

– Уходи, дед, – прохрипел Григорий, перезаряжая ружье. – Вали ты отсюда.

Самому бы тоже валить, но кто ж тогда заступиться за тех, кто в коровнике? Поэтому вместо того, чтобы бежать и прятаться, он двинулся вперед, на верную гибель. Когда поравнялся с развалюхой, Василь Петрович уже встал на ноги. Стоял, покачиваясь, рукой придерживаясь за стену.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.